

Александр Шакилов
Мы – мутанты
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Герои Зоны», книга 5

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7728784
Александр Шакилов. Герои Зоны. Мы – мутанты: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084408-1*

Аннотация

Макс Край потерял все, кроме веры в нас, обычных людей. И потому он рискнет жизнью, чтобы спасти всех наших родственников и друзей, которые даже не подозревают о смертельной угрозе. Вместе с командой легендарных сталкеров Чернобыля Макс предстоит сразиться с кровожадными монстрами, обойти ловушки запретной зоны и остановить тех, кто намерен превратить человечество в расу агрессивных мутантов!

Но даже столь опытному воину, как Край, миссия вряд ли окажется под силу...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Шакилов

Герои Зоны. Мы – мутанты

STALKER

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Компромат

Я проснулся посреди ночи из-за того, что в квартире кто-то был.

С кухни доносились приглушенные голоса, и определенно там горел свет. А я ведь дома один. Ну просто категорически совсем-совсем один. Так что диагноз ясен, как июльский полдень на пляже: допился Максимка Краевой по прозвищу Край до молочно-белой горячки, вот и мерещится всякое...

Звонко треснув, мой череп распался на куски, в ротовой полости захрустел горячий песок осколков, на который прослабило с десятков котов. Да уж, чувствовал я себя отвратней, чем после контузии в банановом раю, где отслужил срочную. Я приподнялся на локтях – старый диван подо мной предательски скрипнул, и зашелестели коробки от пиццы, внаброс заминировавшие смятую простыню.

«А вдруг это Милена с Патриком вернулись?!» – молнией сверкнуло перед глазами, на миг озарив затхлую, провонявшую алкоголем комнату, побитую в припадке бессильной ярости мебель и продырявленный пулями телевизор.

Не помня себя от неожиданного счастья, мгновенно позабыв о похмелье, я вскочил со своего унылого лежбища и, в чем мать родила, помчался на голоса и свет, на ходу сшибая босыми ногами пустые бутылки. Стеклотара, обиженно звеня, покатилась по полу.

Я же радостно завопил:

– Сынок! Любимая!

Милена, супруга моя – она в маечке и джинсах, ничуть не прикрывающих изгибы ее тела, – наверняка сидит на табурете за столом, застеленным полиэтиленовой пленкой в квадратик. А на плече у нее сумочка из лиловой кожи молодого дерматина. И копна светлых волос струится по спине до самых ягодич. А рядом с ней – я в этом уверен на все сто – приломился Патрик, мальчишка шести годков от роду, такой же голубоглазый, как мамочка. А в руках у Патрика, конечно, его обожаемая машинка – красная, гоночная...

Схватившись за ручку сильнее, чем утопающий хватается за спасательный круг, я дернул кухонную дверь на себя.

И внутри у меня все оборвалось, а в душе стало безнадежно пусто и до безумия тоскливо.

Чудес не бывает.

Господи, если ты есть, скажи, почему в нашем ни хрена не рациональном мире, мире безумном, бессмысленно жестоком, идиотски глупом, нет места чудесам, пусть даже крохотным, личным?!

В плотке заклокотало, под веками набухла влага. А вот этого не надо. С трудом, но сдержавшись, я проследовал на кухню. На столе, действительно застеленном полиэтиленовой пленкой в квадратик, лежал большой толстый конверт, стояла литровая бутылка дешевого виски, – на треть полная! – а рядом с ней пристроился ее неизменный спутник, граненый стакан. И еще обожаемая машинка сына, при виде которой у меня кольнуло сердце. Но ни Патрика, ни Милены на кухне не было. За столом, бесцеремонно, по-хозяйски положив руки на столешницу, сидели двое в штатском.

Их я узнал сразу. Да и как не узнать милейших парней, чудо-следопытов, которые однажды намеревались отрезать мне голову и продать ее Гордею Юрьеву – байкеру по кличке Рыбачка – всего-то за сотню тысяч евро?..¹

¹ Подробнее об этих событиях в романе А. Шакилова «Хозяин Янтая».

Так что, обнаружив старых знакомых у себя дома в третьем часу ночи, я, конечно, очень обрадовался.

Третий незванный гость стоял возле окна и задумчиво пялился на проспект Косиора – по раздолбанному асфальту как раз катил троллейбус. Только я вошел, третий – лишний! ты здесь лишний! – обернулся ко мне. Этот чудак – а лет ему было тридцать-тридцать пять, то есть уже не пацан – зачем-то напялил на себя вызывающе приталенную пижаму: ярко-розовой расцветки, с голубыми лилиями-аппликациями и громадными, размером с блюдце, пуговицами. На башке у чудилы над чисто выбритыми висками петушиным гребнем встопорщился малиновый «ирокез». В проколотой ноздре торчало кольцо. Логично было узреть на ногах туфельки на высоких каблуках, но тут Панк – так я мысленно окрестил чудилу – разочаровал меня: топтать линолеум моей кухни он предпочел каблуками армейских ботинок.

Где-то я видел его мерзкую рожу. Но где и как мы пересекались?.. Нет, не помню. Ну да бог с ним, с пьяных глаз и зеленая жаба царевной покажется. Нет у меня таких колоритных друзей, родственников и соседей.

Я перевел взгляд на парочку за столом:

– Двое из ларца одинаковых с лица. Живы еще, дурилки?

Того, кто сидел на табурете слева, звали Турок. Волосы у него темные, а лицо щекастое – ему будто по малолетству в башку накачали воздуха, да так и не спустили. Рукава рубашки он закатал по локти, на кистях чернели кожаные перчатки. Интеллигент хренов, боится испачкать мизинчики. А где его любимый Maschinen Pistole 40, который при стрельбе трясется, как припадочный? Точно не на моей кухне. Кстати, Орфей, дружок Турка, – вот он, справа – никогда не расстаётся с самодельным гранатометом. Но не в этот раз. Такое впечатление, что чудо-следопыты заявили ко мне налегке, без огневой поддержки. И что бы это значило?.. Ладно, их оружие – их личное дело. Но какого черта они тут делают?! Не помню, чтоб я их приглашал. По правде говоря, я вообще мало что помню из случившегося за последние дни...

Башка трещала немилосердно. Я мучительно соображал, как и о чем с троицей разговаривать. Бесполезно. Мои разум и тело пребывали в плену алкоголя: мысли путались, взгляд фокусировался с трудом.

– Со свиданьем! – хмыкнул Турок. – У нас к тебе дело, Край...

Я тут же его перебил:

– Здорово, парни. Сто лет не виделись. И еще столько же на ваши образины не смотрел бы.

Я давно в том возрасте и в том положении, когда можно и хочется говорить то, что думаешь, наплевав на условности и ложное – по отношению к сволочам – чувство такта. К тому же, в связке «Турок—Орфей» главным всегда был Орфей. А Турок всего лишь на подхвате. Так на кой мне слушать вяканье шестерки?

– И тебе не хворать, Край, – недовольно пробурчал Орфей, избегая смотреть в мою сторону, и добавил: – Ты бы срам прикрыл, что ли.

Это он верно подметил. Меня и одетым испугаться можно, а уж когда я нагишом!.. На моем плече татуировка – скорпион под парашютом. И по всему телу узоры шрамов. Обычно скоблю щеки дважды в день, но все равно морда сизая, а нынче я уж и позабыл, как выглядит бритва. И одеваюсь я не от-кутюр. Очень скромно одеваюсь. Скромнее некуда. Гости уже в этом убедились.

– Мне от друзей скрывать нечего. – Неспешно я подошел к холодильнику, чуть ли не физически ощущая: за каждым моим движением внимательно следят.

– Хорошо, – примирительно выдал Орфей мне в спину. – Это очень хорошо, что от нас тебе скрывать нечего. Именно поэтому у нас есть деловое предложение, от которого ты не сможешь отказаться.

– Не смогу? – я обернулся к Орфею. – Братишка, мне показалось, или ты мне угрожаешь?

Помню, раньше он неважно выглядел: седая растрепанная борода, мелкаячеистая сеть морщин на лбу, грузное тельце, широкое в талии и узкое в плечах. Чернобыль не сделал его моложе и красивее. Но сейчас в движениях Орфея присутствовала легкость, и растительность на лице приобрела аккуратные благородно посеребренные очертания, лоб стал гладким, а тело – чуть ли не поджарым. Взглянув раз на нынешнего Орфея, сразу поймешь: перед тобой опасный боец, бывший инструктор-рукопашник Иностранного легиона, а не почтенный отец благородного семейства. И это притом, что одет он был в простенькие рубашку и брючки без намека на камуфляж.

– Слышь, гусь, ты бы того... ну, не этого... А то! – Людей, которые ему не нравились, Турок называл гусями, а то и вообще петушками.

Однако нескромно щекастенький себя ведет. Без спросу влез в мой дом, сел за мой стол на моей кухне, и еще вякает что-то в мой адрес?!.. Я почувствовал, что закипаю. Надо срочно охладиться. Открыв холодильник, забитый коробками с замороженной пиццей, достал бутылку минералки, в одно движение свинтил крышку и жадно припал к горлышку.

И надо ж было в этот момент подать голос Панку:

– Как говорится, поздно пить «боржоми», когда...

Это стало последней каплей. Хряпнув бутылку о дверцу холодильника, – только осколки с брызгами полетели, – я выставил обретенную «розочку» перед собой и, выпучив глаза, заорал:

– Хрена вы тут забыли?! Я никого к себе не звал! Пошли все вон!!!

Откровенно говоря, я надеялся, что троица купится на показную истерику, и бутылку разбил лишь затем, чтобы отвлечь внимание, а сам тем временем быстро подхватил с полки холодильника свой безотказный «Форт 14» с уже накрученным глушаком. Ну, вот не люблю соседей будить, убивая вражин по ночам. И да, я храню оружие в холодильнике. А вы где храните? Ах, нигде, у вас его вообще нет? Ну так не учите меня жить!..

Расчет был на то, что любой нормальный человек, увидев перед собой обнаженное пьяное быдло, размахивающее острым стеклом, попросту не обратит внимания на вторую руку быдла. А конечность-то за спиной, где уже снятая с предохранителя волына. Но главное, я хотел вывести незваных гостей из себя. На некоторых стоит лишь легонечко нажать, чтоб из них тут же брызнуло вонюченьким. Даже в нынешнем своем состоянии я понимал, что неспроста понадобился Орфею с Турком, и что все очень серьезно, раз они демонстративно пришли с миром, без стволов. Когда убийцы корчат из себя безобидных овечек, жди кровавой бани. И потому важно выяснить если не всю правду, то хотя бы ее подобие.

– Ща всех порежу!!! Всем галстуки пошью!!! – надрывал я глотку, намекая, что собираюсь вскрыть гостям горло и через дыру вывесить наружу язык.

В стену застучали – мол, сосед, хватит уже, сколько можно.

Я тут же заткнулся.

Испугался гнева тех, кому не повезло жить со мной на одном этаже? Как бы не так.

Увы, спектакль одного актера с треском провалился: троица проигнорировала мой демарш. Турок и Орфей на меня даже не взглянули. Щекастый взял со столешницы большой белый конверт и, достав из него пачку цветных картинок, принялся их разглядывать и даже пару протянул бородачу Орфею. Панк отвернулся к окну. Его очень занимало происходящее на проспекте.

Вот тут-то я и вышел из себя по-настоящему. А когда Макс Край свирепеет, он голос не повышает, что вы. Он всего лишь убивает. Выхватив «Форт» из-за спины и наведя его на Орфея, я преспокойно сообщил своим незванным гостям:

– Братва, а ну-ка выметайтесь. И живо. Иначе за себя не отвечаю.

– Красивая работа. Профи делал. – Турок отреагировал на мою просьбу вовсе не так, как я хотел. Встав из-за стола, он шагнул ко мне и чуть ли не к лицу поднес картинку, которую только что рассматривал.

Через секунду мой взгляд сфокусировался-таки на изображении. Руки задрожали, и я самым постыдным образом уронил пистолет. Он упал на линолеум и закатился под стол. Оказывается, пока я тут корчил из себя голливудскую знаменитость, чудо-следопыты рассматривали фотографии. *Те самые*. Я и забыл, что оставил их тут на столе. Думал, что сжег или выбросил.

Оттолкнув Турка, я опустил задницу на табурет. Ноги меня не держали.

Вытряхнув из стакана дохлую осу, Орфей щедро – до краев – налил вискаря и подвинул ко мне. Кивнув ему, мол, спасибо, дружище, я взял стакан и поднес к губам, изрядно расплескав пахучую коричневатую жидкость. Да так и замер с открытым ртом, потому что заговорил Турок, и сказанное им встряхнуло меня и враз отрезвило.

– Мы знаем, кто это сделал, Макс. – Затянутыми в черную кожу пальцами Турок вцепился в красную машинку Патрика и прокатил ее по столешнице, а вторую ладонь положил на пачку фотографий. – Монтаж, конечно. Но качественный, не придерешься.

– Кто?! Говори!!! – Я швырнул в него стакан, но сталкер ловко уклонился. Стакан врезался в стену, оставив после себя пахучую кляксу и опав битым стеклом. – Дай сюда! Не смей прикасаться!!!

Турок послушно – ну точно безобидная овечка! – протянул мне игрушку сына.

Однако его выдали глаза. Там я увидел жажду смерти. Он хотел вцепиться мне в горло, я даже почувствовал крепкие пальцы у себя на кадыке. Я подмигнул ему, как бы говоря: «Ну давай же! Чего ждешь? Атакуй!»

Турок отвернулся – точно зверь, не выдержавший взгляда человека.

Глядя на щекастого, и не скажешь, что в башке у него отнюдь не опилки. Он ведь спец по электронике, закончил местный универ в те времена, когда наш провинциальный городок еще не называли Вавилоном. Турок земляк мне. Земеля, ёлы. С его способностями не по Чернобылю лазить, а сидеть бы в НИИ крутой корпорации да изобретать дырку для игольного ушка, получая зарплату с авансом, так нет, потянуло его на подвиги... Наверняка это он вскрыл дверь моей квартиры. Турок – тот самый случай, когда к светлой голове еще и золотые руки прилагаются.

Вытащив из навесного шкафчика другой стакан, Панк подал его Орфею.

– Край, нам нужна твоя помощь. – Огладив бороду, сталкер нацедил в стакан вискаря на три пальца, и нет, чтобы мне, страждущему, предложить, влил в себя, скотина. Еще и зажмурился от удовольствия. Так с закрытыми глазами и закончил реплику: – Ты поможешь нам, а потом мы поможем найти тех, кто тебя подставил.

Я мотнул головой и пожалел об этом: не в моем состоянии совершать столь резкие движения.

– А давай, дружище, так: сначала вы мне говорите, а уж потом я...

– Утром деньги, вечером стулья, Макс, и никак иначе. – Орфей скрестил руки на груди.

– А лучше – только деньги. Без стульев, – нервно хохотнул Панк у меня за спиной.

Похоже, он не представляет, с кем имеет дело, над кем насмехается. Я вообще-то в международном розыске, СБУ вместе с Интерполом по мне плачут. Пора разобраться с ним. Я посмотрел Панку в глаза – и его смех тотчас оборвался.

– Остынь, Край. – Орфей верно истолковал мои намерения. – А ты... Ты заткнись, как договаривались. Иначе я тебя сам... вопреки всему. Понял?! – Последнее уже касалось Панка. Тот беззвучно отступил к окну. – Край, нам известно, что ты недавно совершил паломничество в некие запретные для прочих земли. – Говоря все это, бородач пристально смотрел на меня, будто искал на моем лице подтверждение своим словам.

– Эко ты витиевато. Определенно, жизнь вне Зоны пошла тебе на пользу. В черепе наконец-то мозги выросли. Глядишь, и думать скоро научишься. – Я сделал вид, что намека не понял.

Орфей глубоко вдохнул, выдохнул – и, улыбнувшись мне, налил вискаря в стакан:

– Выпей, Край, и хорошенько подумай. Тебе нужна информация, а нам нужно попасть на Полигон. И мы хотим, чтобы ты провел нас туда. За это мы не только выдадим тех, кто это сделал, – он показал на пачку фотобумаги, испорченной мерзостью, – но и хорошо заплатим. Очень хорошо. Сумму... Ну, скажем, с пятью нулями. Евро.

Отодвинув от себя предложенный стакан, я чуть подумал – и кивнул Орфею:

– Справедливая сделка. Условия более чем приемлемые. Я согласен. Ради того, чтобы наказать сволочь, меня подставившую, я готов на все.

Рожу Орфея искажала довольная ухмылка. Турок панибратски хлопнул напарника по плечу. Панк отклеился от окна и кинулся ко мне, схватил за руку и начал ее тискать, говоря, что очень рад, очень-очень рад, спасибо, Максим, за то, что вы согласились, вы даже не представляете, насколько это важно!..

И вот тут мне стало смешно. Да так смешно, что я, не в силах больше сдерживаться, откровенно заржал, глядя на растерявшуюся троицу.

– Чудо-следопыты просят меня, никчемного бандита, о помощи? Хотят, чтобы я протянул им мозолистую ладонь? Хм... А где волшебное слово «пожалуйста»?

– Пожалуйста, Край, – сцедил сквозь зубы Орфей.

– Помнится, как-то я помог одной сладкой парочке – спас от лютой гибели лучших следопытов, крутых бродяг, обожженных радиацией и ветрами Зоны. Благородно, ёлы, поступил, вывез из передраги на танке! Не надеясь на благодарность, потому что надеяться было наивно и смертельно опасно. Но кто сказал, что я – академик и семи пядей на висках? Глупость – мое второе имя. Кстати, парочку ту звали Турок да Орфей. Хорошие ребята, только вот я с ними дел больше не имею.

– Выручай, бо загнемся без тебя, – прогудел Турок. – Пошматуют на раз на Полигоне, жопой чувствую.

– А ты мне стволом «шмайссера» в затылок ткни, как уже делал. Авось сговорчивей стану! – напомнил я Турку о подвигах давно минувших дней.

Турок покачал головой:

– Легше вовком орати, ніж козаком проти козака воювати². Так что, Край, ничем я в тебя тыкать не буду.

– Да вы совсем, смотрю, мозгами двинулись, раз поверили, что Макс Край рискнет своей шкурой из-за этой хрени! – Я поднялся и смахнул со стола пачку фотографий. Те рассыпались по полу.

Осознав, что вышло не так, как хотелось, Панк слетел с катушек. С яростным криком: «Что тебе терять, сволочь?! Ты ведь теперь один!», он бросился на меня – и оказался на полу. Однако я даже кончиком ногтя его не тронул, хотя готов был растерзать. Меня опередил Орфей – отмашкой руки, по сути пощечиной, он сшиб чрезмерно разговорчивого стилиягу.

² Легче волком пахать, чем казаком против казака воевать (укр., казачья пословица).

– Край, ты, наверное, меня не услышал... Пусть тебе не нужна информация, но деньги-то? Твои услуги будут щедро оплачены. – Орфей оторвал сиденье от табурета и выпрямился.

– Спасибо за предложение, но оно меня не заинтересовало, – я протянул ему ладошку, как принято на переговорах у офисных хомячков, и улыбнулся. То есть постарался сделать оскал чуть менее кровавым.

– Жаль. – Орфей ответил крепким мужским рукопожатием, после чего чудо-следопыты помогли Панку подняться и, бережно держа его, отвели к выходу из квартиры. – Если передумаешь, Макс, мы до полудня будем в гостинице «Харьков». – Бывший легионер протянул мне магазин увеличенной емкости на двадцать четыре патрона калибра девять миллиметров: – Презент. От чистого сердца.

Я автоматически взял. Сработала вековая мудрость «Дают – бери, бьют – беги».

Но подарками Макса Края не разжалобить.

– Дружище, ждать меня – только время зря терять. Все равно не приду. Удачной прогулки! Полигон в это время года особенно прекрасен!

Прикрыв дверь за визитерами, – как оказалось, замок был сломан – я ворвался на кухню, стараясь не смотреть под ноги, точнее – на фотографии. И только там, у стола, обнаружил, что прижимаю к груди, с силой вдавливаю в себя машинку Патрика. Едва заставил себя отвести руку и поставить игрушку на столешницу. Затем наклонился, поднял «Форт». Магазина в нем не оказалось, зато «подаренный» Орфеем пришелся впору.

– Вот сволочь... – пробормотал я. – В холодильник ко мне заглядывал, в вещах моих рылся...

Я долил в стакан и выпил. Прислушался к ощущениям. Легче не стало. Еще двести миллилитров алкоголя ухнуло в пищевод. Вот теперь другое дело! Теперь могу и вырубиться, успеть бы добраться до кровати...

Успел. Рухнул прямо на коробки из-под пиццы, закрыл глаза...

Перевернулся на бок, потом на другой. Лег на живот. Посчитал овечек, прыгающих через забор. Посчитал козочек. Потом – кенгуру. И все равно не спалось.

Перед глазами настойчиво маячил кошмар *того* дня.

* * *

– Очень рад! Очень-очень рад!

Прораб сверкал отличными зубами и вообще выглядел так, будто только что спрыгнул с рекламного щита образцово-показательной стройконторы.

Желтый новенький шлем аккуратно сидел на аккуратно подстриженной башке. Из-под козырька с неподдельным восторгом смотрели на меня честнейшие карие глаза. На ногах блестели надраенные ботинки. Брючки с отглаженными стрелочками поддерживал широкий – очень мужской! – ремень. К такому удобно пристегнуть чехол для мобильного – конечно же, вместе с мобильником. И повесить на него еще сумку для инструментов – конечно же, без инструментов. А рубашка в клеточку и с короткими рукавами демонстрировала чистые – ни единого армейского тату! – предплечья. Тонкий намек на то, что бессмертная душа прораба свободна от смертных грехов, которых не избежать на полях сражений, а значит, ему можно доверить номер банковского счета на Каймановых островах и юную красотку-дочь.

– Вы даже не представляете, как я рад! – тараторил прораб, то и дело забегая передо мной и мешая пройти, из-за чего мне приходилось останавливаться и отодвигать его в сторону. – Какая радость, что вы почтили нас! Рад! Рад вас видеть!..

Пока он демонстрировал мне лояльность и прямо-таки собачью преданность, его подчиненные делали вид, что трудятся, не покладая рук и не разгибая спины. Ну и не щадя живота своего – то есть без обеденных перерывов.

И правильно: зачем обедать, если завтрак еще не закончился? Вон «козел» аккуратно застелен скатеркой. На ней столовые приборы, напитки и закуски. Напитки, кстати, алкогольные. И ладно, бывает. Но приборы-то, как и барные стулья, расставленные вокруг «козла», – из той подсобки, в которую их вчера занесли и которую я лично запер на ключ. Единственный ключ. Чудеса да и только!

Я двинул в обход по просторному залу лучшего клуба города – клуб обречен стать лучшим! – и настроение испортилось окончательно.

Потолок не готов, им вообще не занимались. Лишь одна стена покрыта штукатуркой. Пол даже не начинали выравнивать...

При этом красавчик слева якобы дырявил перфоратором отштукатуренную стену, к которой ему вообще не следовало прикасаться. Электроинструмент, кстати, не был подключен к сети, но красавчика это мало заботило. Видать, он считал меня идиотом, который не сообразит, что беззвучно сверлить перфоратором стены на нашей планете научатся нескоро, то есть никогда.

А в правом углу девушка модельной внешности елозила по плинтусу сухой кисточкой. И ни одной банки с краской в пределах видимости! Да и плинтус не закреплен, пол ведь не готов!

И такое тут куда ни глянь!

Зато все работяги в чистеньких – ни пятнышка! – оранжевых комбинезонах с кучей кармашков, пришитых где только можно и где только не нужно. И у всех головы защищены касками, ноги – наколенниками, локти – налокотниками, плечи – наплечниками. Дай им еще перфорированные алюминиевые щиты, замени строительный инструмент на резиновые дубинки – и всё, вылитые агнцы из спецназа, хоть сейчас на разгон демонстрации бабуй, недовольных задержкой пенсии.

Если раньше строители работали не шатко, не валко, то сегодня они даже не приступали еще к служебным обязанностям. Это в полдень-то!

А ведь клуб «Янтарь» – клуб Макса Края и Патрика! – по плану должен открыться через неделю, в мой день рождения! Пригласительные на мероприятие отпечатаны и уже розданы жителям Вавилона!

– Я говорил, что очень рад вас видеть? – Передо мной вновь образовались отличные зубы и новенький шлем. – Если нет, то я рад вас видеть!

– А я тебя нет. Если твоя шарашка сорвет мне открытие, я!..

– Что вы, что вы! Все будет готово в срок! Мы рады, что вы обратились именно к нам!

Я открыл рот, чтоб наорать на него и построить тут всех, заставить хоть что-нибудь сделать.

Но так и хлопнул, не сказав ни слова.

Глядя в честные глаза прораба, мне захотелось достать пистолет и вышибить ему мозги. Потому что ругаться с ним и его манекенщиками у меня не получалось.

Махнув рукой, я двинул к выходу, на ходу набрав номер Милены.

Ну что сегодня за день, а? Башка ни с того ни с сего разболелась. И мобильник дражайшей супруги постоянно вне зоны доступа – как всегда, небось, забыла аккумулятор зарядить.

Хорошо, мой корейский девайс в подзарядке не нуждается. Индикатор неизменно показывает 42%, будто его заклинило на этих двух циферках. А все потому, что батарейка сделана из «кондера» – прибора, добытого на Полигоне. Для тех, кто не в курсе: приборы Полигона – вовсе не те вещицы, что окружают нас в быту. Приборами военные называли инопланетные артефакты, разбросанные по поверхности Земли неподалеку от Вавилона. Так что трубка

у меня не самая обычная, досталась она мне при весьма интересных обстоятельствах. Аж передергивает, когда вспоминаю, при каких именно...³

Зато денег мы с Миленой заработали тогда прилично. На них-то, на нетрудовые доходы, и строю клуб.

Я двинул к блестящему черному джипу со знаком радиационной опасности на капоте и мощным турбодизелем под капотом. Подойдя ближе, в очередной раз залюбовался решеткой радиатора, прожекторами на крыше и обводами кузова. Это есть мой гламурный железный конь 4×4, которого я называю просто и незатейливо – Танк.

Спрятавшись за тонированными стеклами, я с удовольствием вдохнул запах новенького кожаного салона. Первым делом включил крохотный телевизор. Звуковой фон рекламы меня настраивает на мирный лад. Глядишь, и боль в башке отпустит. Пристегнулся – только идиоты рискуют понапрасну – и направил Танк на штурм ухабов и ям, ведь бронированный внедорожник для Макса Края не роскошь, но средство передвижения. Попробуйте на японской малолитражке покататься по нашим дорогам, и вы поймете, о чем я.

Припарковав машину во дворе, неподалеку от дома, в котором семейство Краевых снимает однокомнатную квартиру, я поднялся по грязной лестнице на нужный этаж. С недавних пор мы могли позволить себе собственную квартиру, и куда просторней, но моя блондинка-жена никак не могла выбрать для нас подходящее гнездышко. Поэтому пока что мы жили там, где и прежде. Разве что купили огромный плоский телевизор и обновили гардероб Милены.

– Что за?... – вырвалось у меня.

И я выхватил из кобуры пистолет.

Дверь нашей квартиры была приоткрыта.

В груди тяжело забухало сердце. Я чаще задышал, ладони вспотели. В квартиру ворвались грабители? Маньяка поразила красота Милены? Или это визит вежливости хэдхантеров, желающих получить вознаграждение за мою голову от тех, кто отсек Вавилон от всего мира колючкой, рвами и минными полями?!

Кто бы это ни был, ничего хорошего ждать не приходилось.

Держа пистолет перед собой и стараясь ступать тихо-тихо, – лаги под ногами безбожно скрипели, – я прокрался в собственное жилище. Прямо в прихожей на полу валялось нижнее белье Милены, чуть дальше лежала ее скомканная юбка, дверцы шкафов были открыты, а вещи разбросаны по всей комнате. Короче говоря, в квартире царил полный хаос.

Я облегченно выдохнул. Потому что беспорядок – это полный порядок. Непонятно выражаюсь? Ну, как бы поточнее объяснить... Моя жена – красавица, и в постели ей равных нет, и стреляет она как заправский снайпер, и дерется, точно шаолиньский монах, но что касается домашних дел... м-да... Готовит она так, что от завтраков у меня изжога, от обедов – расстройство желудка, а ужин я вообще не рискую есть, благодаря чему до сих пор жив. Что же касается уборки, то любимая до такой постыдной низости попросту не опускается.

– Миленка?! – позвал я, хотя в одной комнате тяжело спрятаться. – Патрик?!

Может, вышли куда? И женушка просто забыла дверь закрыть? Сама она, конечно, могла бы забыть, но ведь с ней наш пацан, а значит, амнезия исключена, он не позволил бы мамаше...

Заглянув по пути в ванную и в сортир, я зашел на кухню. Пищеблок у нас самый обычный: раскладной стол, старенький холодильник, электроплита, электрочайник, и все это освещается электролампочкой, подвешенной к потолку вместе с пыльным плафоном. Если бы супруге и сыну вздумалось-таки сыграть со мной в прятки, им попросту негде было бы скрыться.

³ Подобнее об этих событиях в романе А. Шакилова «Герои Зоны. Полигон».

И еще – никаких следов насилия, борьбы или возни я не обнаружил.

Итак, можно сделать вывод, что...

М-мать моя женщина, что за чертовщина, а?!

Надо сесть и спокойно все обдумать, решил я и, выдвинув из-под стола табурет, плюхнулся на него. И тут рассеянный мой взгляд наткнулся на толстый белый конверт и рядом с ним лист бумаги – все это преспокойно лежало на столешнице, на самом виду. Загребущие пальчики потянулась к конверту, потому что толще. Но на листе виднелись каракули Милены. Множество исправлений, корявые буквы – ее почерк с другим не спутаешь. В правом нижнем углу листа из-за жирного пятна бумага стала полупрозрачной. Как же это похоже на мою благоверную: положить послание на грязный стол... Оставив конверт в покое, я взял письмо жены и принялся читать.

«Гори в аду, подлец! Будь проклят тот день, когда я встретила тебя. Правильно отец говорил, чтобы с тобой не связывалась. Ты никогда меня не любил. Ты просто животное. Тварь. Ненавижу! Я ухожу от тебя и забираю Патрика. Тебе нет прощения, ты сам виноват, ты предал нас. И не ищи меня, это бесполезно. Когда ты вернешься домой, в эту затхлую дыру, в которой ты заставляешь нас прозябать, мы будем далеко от Вавилона. Мы навсегда улетаем из этого мерзкого города. Прощай, ублюдок. Чтoб ты сдох!»

Отсутствие запятых, где надо, лишние знаки препинания и орфографические ошибки – все это окончательно уверило меня, что дичайшие обвинения адресованы мне и написаны Миленой, а не кем-то другим. Любовь моя ведь получила образование в колонии для малолеток, а не в институте для благородных девиц.

С трудом разбирая отдельные слова, мрачняя с каждым новым предложением, я продолжал декодировать шифровку жены.

«P.S. Алименты кланчить не буду, да ты и не сможешь их выплатить, потому что я не позволю тебе узнать, где мы. Поэтому я забираю весь твой долг сыну сразу. Эти деньги понадобятся Патрику, чтобы вырасти нормальным человеком, а не таким...»

Уж простите, но дальнейшую грязь я цитировать не буду.

Итак, по поводу прочитанного напрашивались следующие выводы: 1) я – подлец, 2) Милена ушла от меня вместе с Патриком, 3) она забрала наши деньги.

Не считите меня меркантильной сволочью, но я поспешил к тайнику, где хранился чемоданчик с наличностью, изъятой у работарговцев. Мы тогда освободили множество якобы пропавших без вести детишек... Чтобы добраться до чемоданчика, я лег на пол в нашей единственной комнате и заглянул под диван. Именно там мы хранили свои миллионы. Ну не в банк же было их нести и класть на депозитный счет?

Денег на месте не оказалось.

Тля-муха, да что случилось-то?! Какая пчела укусила мою благоверную?! Надышалась испарений лака для ногтей в салоне красоты, вот и приключились видения?!

Заламывая руки, я заметался по квартире.

Милена всегда отличалась скверным характером, но не до такой же степени! Какое еще предательство?! Мне никто другой не нужен, я люблю ее, дуру!..

Сам не заметил, как вновь оказался на кухне.

Плюхнулся на табурет – и вспомнил о конверте.

Он был полон фотографий.

Фоном на первом снимке служило заведение на открытом воздухе: белые пластиковые столики среди пихт, фонтанчик, официанты в отдалении. А главным героем сюжета был я

– бывший сталкер Макс Край. Я позировал в окружении полуголых девиц. Все участники фотосессии держали фужеры. А я еще вцепился в пузатую бутылку из-под шампанского. Но я ведь вообще не употребляю алкоголь, давно в завязке! Навсегда отказался от пищевых спиртов, когда Милена сообщила, что у нас будет ребенок! Это был один из самых моих счастливых дней в жизни...

На следующем фото девицы рядом со мной уже избавились от одежды: гладкая кожа, напряженные сосочки, вычурные прически в интимных местах...

Листаем дальше. Меня целуют: блондинка – без-обидно в щечку, брюнетка не очень безобидно – в шею, и совсем уж развратно рыжая особа присела и приблизила свое личико к моему паху. К *якобы моему* паху! Попрошу это особо отметить!

М-да, а следующие фото совсем уже взрослые...

– Что за хрень?! – Зачем-то сунув пачку фотографий обратно в конверт, я ударил кулаком по столешнице, едва не проломив ее. – Этого не было! Это ложь!!!

И вместе с яростью накатила обида.

Как могла Милена, жена моя, мать моего ребенка, поверить бездарным фальшивкам?!

Я заскрежетал зубами. Кто посмел подбросить сфабрикованный компромат наивной вспыльчивой блондинке?! Врагов у меня предостаточно. Я ведь в международном розыске как беглый преступник и организатор волнений в районах, прилегающих к ЧЗО. Меня обвиняют в попытке захвата власти и чуть ли не в организации государственного переворота. Срока давности по моему делу нет. Но весьма сомнительно, чтобы комитетчики стали клепать липу на Максима Краевого только для того, чтобы насолить ему уходом жены. Ерунда, глупость...

Я обхватил голову руками.

Заурчал, затрясся холодильник. Внизу сосед упрекал сожительницу в том, что она ведет распутный образ жизни, а та грозила ему черепно-мозговой травмой посредством сковороды, если не заткнется. За окном по проспекту промчалась кавалькада байкеров, на скорости паливших в воздух из «калашей».

Отдавшись ярости, думая о том, кто виноват, я упустил главное.

Жена ушла от меня вместе с сыном. Она собиралась улететь из Вавилона. А значит, мне срочно нужно в аэропорт. Как это – «не ищи нас, это бесполезно»?! За кого Милена меня принимает?! Самолеты в нужном направлении курсируют не так часто, как троллейбусы и маршрутки по улицам. Да и рейс могли отложить: погодные условия, угроза теракта, то-сё, пятое-десятое... Есть шанс перехватить блудную семейку в зале ожидания!

Не теряя ни секунды на рефлексии, я выскочил из квартиры, скатился по лестнице и выбежал из подъезда.

Запрыгнув в Танк, я вырулил со двора и, наплевав на светофоры, помчал в аэропорт.

Народ на пешеходных перекрестках шарахался в стороны, из подрезанных машины стреляли мне вслед, но я не обращал внимания на эти мелочи. «Милена, блондинка безмозглая, если хочет, пусть валит куда угодно, – думал я, вцепившись в руль так, что костяшки пальцев побелели. – Но сына я ей не отдам! Патрик останется со мной!»

У въезда на большую автостоянку при аэропорте под Танк кинулась проворная бабулька в платье по пятки и с черным платком на черепе. Ну точно, тля, обвешанная гранатами шахидка! За долю секунды до столкновения я заметил в ее сухонькой артритной лапке авоську с тропическими фруктами, а в следующий миг, резко вывернув руль и вдавив педаль тормоза в пол, вогнал Танк в фонарный столб.

Удар был сильным, но к счастью, столб выдержал, не рухнул на ряд общепитовских ларьков, предлагающих оголодавшим гражданам полезную шаурму и диетические чебуреки, лечебную самсу и куриные шашлычки, повышающие интеллект, – это если верить креатив-

ной рекламе на ларьках. Слоганы я успел изучить, отдирая грудную клетку от руля. Надо было не экономить и купить машину с подушкой безопасности.

Передок Танка смяло, будто по нему со всей дури бахнули здоровенной кувалдой. Из-под «гармошки» капота повалил дым. Сейчас, как в кино, машина вспыхнет и красиво взорвется, разметав по округе горящие обломки и хорошенько прожаренные стейк и филей Макса Края. А у меня на борту даже огнетушителя нет! Со стоном – ушибленные ребра напомнили о себе – я вывалился из салона и приземлился прямо под ноги старушечки-«шахидки». Вместе со мной выпала пачка пригласительных на открытие клуба, которая завалилась в салоне.

– Слушай, куда едешь, да?! – с отчетливым кавказским акцентом заголосила старушечка и всплеснула руками, из-за чего авоська с фруктами описала пологую дугу в нижних слоях атмосферы. – Купил права, да?! Купил машину задорого, так все можно, да?!

– Простите. – Я встал на колени и рывком – грудину обожгло болью – выпрямился в полный рост. – Я приношу свои глубочайшие извинения и хочу...

– Еще хочешь?! Тебе мало, да?! Стариков не уважаешь, да?! Женщин не уважаешь?!

Бабка явно жаждала скандала.

Запереть Танк? Да кто на битое задымленное железо позарится? Под аккомпанемент возмущенных криков бабульки, я со всех ног помчал к зданию аэропорта.

По пути пришлось обогнуть такси, водила которого лупил кулаком по клаксону, требуя, что его пропустил шикарный спортивный кабриолет. За рулем кабриолета подводила губы юная гурия в красном платье. Позади, откуда пахло шашлыком, орал, не жалея глоток, одетые в черкески торговцы. Они никогда не смыкают глаз и не закрывают рот, расхваливая свой товар и хватая за руки прохожих. Аэропорт хоть и не принадлежит ни одной ОПГ, располагается в секторе клана «Кавказ».

Метров за двадцать до раздвижных стеклянных дверей я перешел на быстрый шаг. Вход в пассажирский терминал – он же выход – патрулировали боевики местных кланов общим числом до взвода. Они внимательно разглядывали прибывших и убывающих и любого могли допросить, потребовать дополнительную плату за въезд Вавилон, либо вообще не пустить в город, а то и не выпустить из него. Само собой, все бандиты были вооружены. У нас даже дети со стволами ходят, так что ветеранам из ОПГ сам бог велел выходить на работу в брниках, касках да с автоматическим оружием наперевес.

Я все ближе к дверям терминала.

Лица «пограничников» – каменные маски.

Пристальные взгляды ощупывали меня с ног до головы. Один бандит – «азиат» – сделал движение мне навстречу, и я награбил его за храбрость таким взглядом, что его отнесло назад на пару метров.

Двери раскрылись, я прошел в здание. Шаг, еще шаг, еще... Мне запросто могли выстрелить в спину. Последние два метра до синей разделительной полосы – и все, зона контроля пройдена. Дальше – добро пожаловать на территорию, не подвластную кланам! Боевики «Азии» или, скажем, «России» не сунутся на нее, даже если там начнется разнузданная оргия, и всем желающим будут вручать золотые слитки. Как и на ЖД-вокзале, здесь крайне не приветствуется ношение любого оружия. Так решено главарями кланов. Надо, чтобы приезжие могли себя чувствовать в безопасности хоть где-нибудь, верно? Поэтому я старался двигаться так, чтобы пистолет не выпирал из-под куртки.

В аэропорте за покой и порядок отвечает специальная охрана. Типа тех двоих, что как раз неспешно прогуливались по просторному залу ожидания, в который я проследовал первым делом. Черные кепки, черные брюки и куртки, под куртками отнюдь не белые футболки. На ногах, конечно, очень темные ботинки. Не удивлюсь, если нижнее белье у охранников тоже соответствующего цвета. И вообще, надо было негров брать на работу, а то взяли каких-

то европеоидов не в масть... Ремни охранников отвисли под весом наручников, резиновых дубинок и электрошокеров. Но это так, баловство. Во-оружены люди в черном были автоматами СР-ЗМ уже с поставленными глушителями и уже разложенными прикладами из штампованной стали.

В зале ожидания ни Милены, ни Патрика не было. Я заглянул в кафе рядом – людей много, свободных столиков нет, но и сына с супругой тоже не видеть.

Я неспешно двинул в обход по терминалу, внимательно глядя по сторонам и напряженно соображая, как дальше быть и что делать.

Пол у меня под ногами сверкал чистотой. У потолка висели здоровенные лампы. Снизу стены были покрыты голубыми панелями, выше – как бы выпирающими панелями древесного цвета, а еще выше на белом фоне панелей было выведено синим: «INTERNATIONAL AIRPORT KHARKIV». В самом же низу, перед голубыми панелями и под древесными, располагался ряд серо-белых стоек-касс. Над каждой стойкой указан ее порядковый номер и установлен плоский телевизионный экран. И люди, вокруг много людей. Рядом кто-то кашлял, кто-то громко говорил по мобильному телефону, хрипло рыдал грудничок, его мать злобно ругалась на незнакомом мне языке. Я чувствовал, как по лбу и по спине потекли струйки липкого пота. Мне стало нечем дышать. Как же тут душно! Вентиляция в здании отвратительная, если она вообще есть!..

Честно говоря, я растерялся. Радиоактивный Чернобыль и Полигон, населенный кроваждающими мутантами и усеянный смертельно опасными приборами, – вот моя естественная среда обитания. Там, где нормальные люди не протянут и пяти минут, я чувствовал себя своим, я знал, как мне быть сейчас и что делать завтра. Но тут, среди всего этого хайтека, помноженного на выхолощенную чистоту пластика и разделенного хромированным металлом, полированным мрамором да указателями на английском, в сумме я почувствовал себя чужаком, обреченным на поражение.

Куда мчаться во весь дух?! Кого хватать и как выяснить, где Милена и Патрик?! И если моя семья уже покинула аэропорт, то куда обезумевшая мамочка увезла моего сына?! Думай, Макс, думай! Напрягай мозг, травленный радиацией.

И родные извилины не подвели, намекнули: «База данных. Нужен доступ к клиентской базе данных, то есть к компьютеру, жесткие диски которого содержат нужную информацию. Но где его искать, этот комп?»

А вот где!

Сдерживаясь, чтобы не сорваться на бег, – зачем привлекать внимание охраны раньше времени? – я двинул к ряду касс, открытых стоек и листов пластика и металла, за которыми, стуча пальчиками по клавиатурам, приветливые девицы привлекательной внешности обслуживали всех желающих стать пассажирами. Наверняка в начале рабочего дня начальство намертво приклеивает улыбки к их лицам, скроенным по одним лекалам. Девушки были очень схожи, но все-таки мой взгляд задержался на блондинке, роскошные волосы которой были сложены в толстый пук на затылке. Как раз в моем вкусе экземплярчик: голубые глаза, заметная грудь, ямочки на щеках. Но до сексапильности Милены ей как дворняге до породистой болонки.

Вальяжной походкой делового человека я двинул на приступ вражеской позиции. Бой предстоял жестокий, кровавый, ведь позицию защищало отделение бойцов, жаждущих по воздуху убраться из Вавилона. Проще говоря, я подошел к очереди из десятка человек и встал в ее хвосте, когда увидел на стойке игрушку – красный автомобиль со спойлером.

Да ведь это самая обожаемая вещь Патрика!

Сын с ней не расстался бы даже под дулом пистолета, так он дорожил этой машинкой. Да он любил этот кусок дешевого пластика больше, чем меня и Милену!

Что случилось?! Почему здесь игрушка?! Может, Патрик оставил ее тут специально, чтобы подать мне знак?..

– Пардон. Простите. Пробачте. Экскьюз ми... – Игнорируя возмущение очереди, высказанное на десятке разных языков и извиняясь на тех языках, которые знаю, я проследовал к стойке, у которой обосновался толстый индус, разодетый в пестрое. Судя по его расслабленной позе, – навалился салом на фанеру – он никуда не спешил и намеревался как можно дольше развлекать себя беседой со светловолосой кассиршей.

Я не нарочно зацепил индуса плечом, а вовсе не специально бортанул, чтобы он, сволочь, не загораживал мне путь. Кто ж знал, что раджа из Дели грохнется на пол и, приземлившись на свою пятую точку, с немым укором уставится на меня темно-кариими глазами?! И уж тем более я не хотел, чтобы вся эта безобразная сцена произошла пред голубыми очами милашки за кассой.

– Мужчина, что вы себе позволяете?! – прошипела она. – Я сейчас вызову...

Если в самом Вавилоне удостоверяющие личность документы не в чести, то в других городах Украины и уж тем более за границей без паспорта никак. Да и билет на самолет кому попало без ксивы не продадут. Поэтому Милена уж точно засветила кассирше свое настоящее имя и свидетельство о рождении Патрика.

– Зачем напрягать глотку, красавица? – улыбнулся я блондинке. – Люди в черном и так повернулись в нашу сторону. Поэтому дальше я буду действовать решительно, без сантиментов. Да и «Форт» мой заскучал под курткой. – Я навел пистолет на кассиршу.

Увидев ствол, она выставила перед собой ладони и попятилась. Ее лицо враз перестало быть привлекательным. Ужас уродует даже писаных красавиц.

Очередь дружно ахнула на одном, всем знакомом наречии – диалекте страха.

– Бросай оружие! Руки над головой!

По полу забухали ботинки охранников. Бравые секьюрити на ходу вскинули к плечам короткоствольные автоматы. – Иначе – огонь на поражение!

Чистой воды блеф. Не будут они стрелять, ведь могут зацепить пассажиров. Пока что не будут. «Пока что» – это всего пара секунд на то, чтобы подобраться ко мне на такое расстояние, с которого невозможно промазать, завалив при этом пару-тройку иностранцев. А две секунды – это же целая жизнь, и прожить ее надо так, чтобы потом не было мучительно больно... ни мне, ни охранникам, ни кассирше. Последнюю я как раз обнял за талию, помолодецки перепрыгнув через стойку. Макс Край еще о-го-го, фору молодняку даст! Теперь охрана точно не посмеет открыть огонь.

– Мужчина, не убивайте меня! Не убивайте! – заверещала моя прекрасная заложница.

По ее щекам, прорезая русла в слоях косметики, потекли ручейки слез.

Проверив, стоит ли пистолет на предохранителе, я приставил ствол к светлым кудряшкам на виске. Почувствовав кожей холод металла, блондинка задрожала всем телом. Готова, значит, к сотрудничеству, созрела.

– Ты поможешь мне, и никто не пострадает. – Я взглянул на ее бейджик, где было пропечатно: «Miss Alla» и чуть ниже «менеджер по работе с клиентами». – Аллочка, мне нужно узнать, когда и куда улетела Милена Краевая вместе с Патриком Краевым. Будь добра, посмотри в своем компьютере.

Я подтолкнул заложницу к ее рабочему месту.

Очередь перед стойкой сама собой рассосалась. Да и вообще зал опустел. Хрипло, с надрывом орали охранники – угрожали мне расправой и муками ада. Под вой sireны со всего аэропорта к ним спешили коллеги. И все так же сидел на полу и таранился на меня толстый индус. Пока между мной и людьми в черном есть живой щит – все это не более, чем суета сует.

– Вот, мужчина, смотрите, – Аллочка ткнула лакированным ногтем в монитор и с чувством, толком и расстановкой сообщила: – Милена и Патрик Краевые прошли регистрацию на рейс Харьков-Франкфурт «Всемирных Авиалиний Украины».

– Харьков? Почему Харьков?.. – задумчиво пробормотал я, хотя интересовало меня совсем другое. – А, ну да, официально ведь город до сих пор так называется... Аллочка, скажи, а когда вылетает аэробус авиакомпании «ВАУ»?

Щёлкнув предохранителем, я для острастки, чтоб охрана не борзела, жажнул из «Форта» вверх, в потолок. И еще разок. Черные фигуры тотчас заняли горизонтальное положение на полу.

Блондинка-кассирша вжала голову в плечи и, заикаясь, сообщила:

– С-са-а-амол-лет уже на-а б-бетонке.

Надо было ее как-то успокоить, а то еще в обморок свалится.

– Аллочка, не надо так волноваться. Ну что ты? Говори четко. Или я тебя убью.

– Боинг-747 Jumbo Jet, – тут же отбарабанила Miss Alla, менеджер по работе с клиентами. – Борт номер девятка три раз раз девять.

Может, я не тем по жизни занимаюсь? Исправлять дефекты речи – вот мое призвание?

Я взял со стойки игрушку сына:

– Это заберу, это мой сын забыл. И спасибо, Аллочка!

Истратив еще пару патронов на то, чтобы бравая вохра даже и не думала отрываться мордашки от полированного мрамора, я со всех ног помчал к выходу на взлетно-посадочную полосу, следуя указателям. Подробности спринтерского забега опущу, но со стороны, небось, забавно смотрелся мужчина в камуфляже с пистолетом в одной руке и с детской игрушкой – в другой.

И вот я выбежал на бетонку.

И увидел горбатый четырехмоторный самолет с вертикальными законцовками на крыльях – Боинг-747, бортовой номер 93119.

Его хвостовое оперение было окрашено в синий цвет, на киле ярким пятном желтел круг, в центре которого разместились закарлючка: то ли летящая птица, то ли росчерк годовалого ребенка. Аэробус как раз оторвал колеса шасси от ВПП и, задрав нос, начал величественное свое восхождение к небесам. Он самоуверенно презрел земное притяжение и прямо-таки наплевал на законы природы, предписывающие человеку – пусть даже разумному, а не австралопитеку – не отрываться от горизонтали выше, чем на прыжок на месте. Ведь выше – это провокация. А провокации наказуемы.

Дальше все было точно во сне, в кошмарном бреду, из которого не вырваться, как ни старайся.

Я не мог видеть того, что происходило неподалеку от бетонки, в тайном укрытии, но воображение мое услужливо нарисовало то, как некто вскинул на плечо ПЗРК «Stinger». Самонаводящаяся головка ракеты «поймала» цель, и тотчас, сообщая об этом, мелко затряслось вибрационное устройство оптического прицела. К нему стрелок прижимался щекой. Гироскоп, ввести необходимые углы упреждения... – и указательным пальцем нажать на пусковую скобу.

Разодрав защитные крышки, ЗУР FIM-92 вырвалась из стеклопластикового транспортно-пускового контейнера, который был не только цилиндрическим, но и герметичным, – до сего момента – ведь его заполнял инертный газ. Плоскости хвостового стабилизатора раскрылись. Оставляя за собой извилистый дымный след, ракета устремилась к пока еще низко летящей цели.

И угодила в кабину экипажа.

Взрыв: вспышка и дым, кабину разворотило.

Потеряв управление, самолет резко накренился и врезался в бетонку. Его стабилизатор и шпангоуты смяло, фюзеляж из клепанного фрезерованного алюминия и композитов треснул, точно скорлупа ореха, по которой со всей дури ударили молотком. Оторвало двигатель и потащило к зданию терминала для VIP-клиентов. Из багажного отделения через дыры в фюзеляже выбросило опутанные сетями поддоны с грузом.

Я оторопело смотрел на то, как горели краска и грунт для защиты от коррозии под ней, и думал о выборе Милены. Франкфурт? Почему Франкфурт-то, а?! Что Милена забыла в Дойчленде? Германию, как и весь Евросоюз, раздирают на части междоусобицы. Демонстрации и бунты, погромы и столкновения с полицией – вот чем славен город-герой Франкфурт. Неужели у Милены там родственники обитают? Тогда почему я ничего об этих внучатых племянниках и троюродных дедушках ни разу не слышал?..

Нестерпимо воняло горелой изоляцией, а я все ждал, что люди начнут покидать аэробус, что все обошлось, все целы... Вот-вот с криком «Джеронимо!» Милена вместе с Патриком выпрыгнет из самолета, и над ними раскроется купол парашюта. И никак иначе! И все равно, что никаких парашютов в принципе быть не может...

Через пассажирские двери никто не вышел. Ни те, кто купил билет, в бизнес-класс, в котором дают подушки под спину и задницу, ни те, кто наскреб евро на экономе, где вообще обходятся без подушек.

А ведь огонь уже добрался до топливных отсеков в центроплане!

Рвануло так, что мало не показалось. Я аж присел и чуть отвернулся.

Рядом со мной с грохотом врезалось в бетонку кресло с подлокотниками и... подзатыльником? Эта точно часть обстановки бизнес-класса – обтянутое горячей кожей кресло само разложились в кровать.

Я стоял и смотрел на это чертово кресло, и рот мой открылся для крика, но я не мог выдать из себя ни звука.

Из ступора я вышел, лишь когда мимо промчался алого цвета пожарный автомобиль быстрого реагирования. На борту цистерны белела полоса, а на дверце кабины я увидел цифры «33». Следом за пожаркой поспешили в месту катастрофы еще три такие же восьмиколесные – собранные в Прилуках на базе шасси ракетноносца МАЗ-543.

Притормозив у груды горящего металла, пожарки через лафетные стволы принялись оплевывать горящие обломки порошком и пеной. Из машин высыпали парни в серой униформе с люминесцентными полосами и со шлемами на головах и забегали туда-сюда.

И тогда я побежал к ним, к самолету, к жене и сыну, которым никак без меня, которых надо спасти!..

Отчаянно завывая, меня обогнали две машины «скорой помощи». Обе они притормозили возле «ракетноносцев», к которым пожарные уже успели подтащить с десятков тел.

И тут одну «скорую» подняло в воздух и, разворотив ее огненной вспышкой, вмиг искорежив до неузнаваемости, швырнуло на вторую, которая тотчас загорелась.

Теракты! Это спланированная серия терактов!..

Я бежал вперед, перепрыгивая через горящие обломки.

Взрыв, вторую «скорую» подбросило и опустило на бетонку. Двери оторвало и отшвырнуло. И тут взорвалась пожарка. Вокруг меня, куда ни глянь, все полыхало. Но все меня мало волнует, мне надо к самолету. И по фиг, что разодранный фюзеляж объят пламенем, неприятность эту мы переживем. Да, Милена? Да, сынок? Я сейчас, подождите чуточку, и я помогу вам, папочка уже идет!..

Воздух раскалился, он жег кожу, обжигал легкие. На голове тлели волосы и обгорели ресницы. Но я, путаясь в собственных ногах, щурясь, потому что влагу со зрачков мгновенно слизывало, продвигался вперед. И болезненные ощущения мои в тот момент были вовсе не важны. И вообще весь я, с потрохами и желаниями, растворился в одном порыве: найти

своих, спасти их, вынести из огня. Меня же нет без семьи, мне надо к семье, я хочу обнять сына и поцеловать жену в губы, пусть даже губы мои превратятся в угли!..

Но меня, уже почти что ослепшего, схватили и потащили прочь от пожарища.

Я вырывался, бил ногами, кулаками размахивал, локтем врезал в забрало шлема так, что оно треснуло. Потом меня сбили с ног, скрутили руки за спиной и навалились сверху так, что ребра, и так уже пострадавшие, затрещали.

– У него шок! Сейчас ему успокоительного и...

Укола я не почувствовал.

А дальше – забытье...

Пришел в себя уже в больнице: все вокруг резало глаз стерильной белизной, все пахло лекарствами. Рядом возвышался коновал в голубеньком халатике поверх дряблого тельца и в шапочке на седенькой головке. Из-под толстенных линз очков докторишка участливо смотрел то на меня, то на приборы, от которых по мне тянулись провода датчиков.

– Молодой человек, у вас просто поразительная способность к регенерации! Всего за пару часов ожоги практически полностью...

– С детства – как на собаке, – буркнул я, отлепив от себя присоски и свесив с кровати ноги.

Не объяснять же медику-пенсионеру, что мой организм частенько странно себя ведет – причем по собственному усмотрению, без моего на то согласия или же повеления. Такое бывает с теми, кого мама с папой зачали в Чернобыльской зоне отчуждения.

– Да любой собаке до вас... – возбужденно сверкнув очками, начал было доктор.

Но я его перебил:

– Теракт в аэропорте... Самолет сбили. Кто-нибудь выжил?

Доктор отвел взгляд и покачал головой.

– Неужели никто не выжил?! – Я отказывался в это поверить, ведь это невозможно, чтобы Патрик и Милена погибли. – Недавно мы с Патриком... Так сына моего зовут, он был на том самолете... Так вот мы по ящику научно-популярную передачу про космос смотрели вместе, а потом Патрик сказал, что мечтает стать космонавтом... А теперь что, его нет?! Совсем нет?!

Избегая моего взгляда, доктор шагнул к небольшому столику, на котором стояли подносы с медицинскими инструментами и взял с него пульт от небольшого телевизора, висевшего на стене.

– Это сейчас по всем каналам, – сказал он и нажал на кнопку пуска.

На ожившем экране возникла та самая дикторша, которая недавно рассказала всем и каждому в Вавилоне об ограблении банка, где хранились сбережения крупнейших кланов мегаполиса.

– Руководство нашего телеканала и руководители землячеств «Америка», «Азия», «Африка» и «Кавказ» выражают соболезнования семьям погибших. Расследование причин катастрофы уже начато, к нему подключены лучшие специалисты нашего города и приглашенные палачи из Киева...

Я больше не слушал ее, я до рези в глазах всматривался в бегущую строку внизу экрана. Это список погибших пассажиров рейса Харьков-Франкфурт: Иванов Петр Васильевич, Бедросов Гурген Арамович, еще кто-то, и еще, и еще, и никакой Милены среди них нет, и Патрика нет!..

Не было.

Вот эти буквы в бегущей строке: «...Краевая... Краевой Патрик Максимович...»

И в глазах вновь становится темно.

Я потом что-то, не понимая смысла своих слов, не слыша себя, говорил доктору, а он отвечал, что никакого опознания не будет, потому что опознавать некого, и хоронить нечего, хотя кланы собираются устроить нечто вроде всеобщей панихиды...

А потом я почему-то оказался на улице в больничной пижаме, босиком и с охапкой своих вещей, от которых невыносимо пахло гарью. И я, прижимая к груди машинку Патрика, куда-то шел, что-то делал, с кем-то до хрипа ругался. Бил морду. Потом били меня. Точнее – мое тело, которое ничего не чувствовало. Оно, вновь и вновь падая на асфальт, неизменно поднималось. А потом врагов не осталось, и я тупо стоял и не знал, что дальше делать, как жить дальше, разве мне можно жить, если Патрика больше нет?! Если нет Милены, как могу быть я?!...

В следующий раз я пришел в себя в богом забытом магазинчике, провонявшем гнилыми фруктами. Прыщавая девчонка-продавщица со злостью смотрела на меня и говорила, что, мол, глаза зальют, уроды, и за добавкой припираются. Это она обо мне, понял я. И с удивлением увидел, что у меня в руке полиэтиленовый пакет, а в пакете с десяток бутылок: виски, водка, портвейн, еще какая-то дрянь. Зачем мне это все? Я же бросил давно, я же не пью совсем. Но рука моя сама протянула прыщавой девчонке купюру, а губы сами шевельнулись: «Сдачи не надо». И, пошатываясь, кренясь, тело понесло мою уничтоженную душу домой. А там упасть на диван, и стеклянное горлышко к губам, и вот уже безвкусная жидкость клоочет в плотке, вызывая спазмы, – интересно, как это захлебнуться водкой в собственной постели? – но жидкость все-таки проваливается в пищевод и обжигает желудок...

* * *

Сколько так продолжалось, пока на кухне у меня не появились чудо-следопыты Орфей да Турок с их придурочным спутником Панком?

Вздохнув, я оставил бессмысленные попытки заснуть и сел на диване. Подтянул к себе подушку и уткнулся в нее лицом. Она до сих пор пахла Миленой, ее духами: мандаринами и бергамотом, розами и жасмином, персиком...

– Что сегодня за день недели? Какое число? – подумал я вслух. – А не все ли равно...

Мозг мой постепенно вырывался из алкогольного тумана.

Наверняка мои художества в аэропорте запечатлели камеры наблюдения: захват заложницы, стрельба... А потом я помчался на ВПП и прибыл туда как раз в тот момент, когда сбили самолет, о котором я расспрашивал кассиршу. Не надо быть киевским палачом или местным спецом, чтобы соотнести одно с другим и сделать вывод: Максим Краевой по прозвищу Край, человечиска с сомнительным прошлым, в лучшем случае причастен к теракту, а то и вовсе является его организатором и одним из исполнителей. Уж я-то точно сделал бы такой вывод. И спустил бы на себя свору. А раз в Вавилоне каждая собака в курсе, где обитает Макс Край, то меня давно должны были взять и допросить с пристрастием, ничего толком не выяснив и расстрелять. Зачем меня убивать? А на всякий случай и чтобы успокоить общественность, возмущенную вопиющим беспределом съехавшего с катушек сталкера.

Так почему я до сих пор жив, а?

Единственное объяснение: настоящие террористы задержаны, и до меня кланам просто нет дела – Макса Края сочли непричастным и простили ему мелкие шалости.

Задержаны... Меня всего встряхнуло, только я подумал о том, что убийцы моей семьи известны, и я смогу лично, вот этими руками... Дрожащими пальцами я взял мобильник, чтобы войти в сеть и посмотреть новости. Недавно купленный телевизор-то я расстрелял в припадке алкогольного безумия.

Телефон оказался вырублен. Я включил его, экран высветил спешащие мне навстречу массивы звезд и виджет с датой и временем. Я моргнул, протер глаза и вновь взглянул на экран. Если верить виджету, то в забытье Максимка Краевой провел целую неделю, и сегодня как раз день моего рождения. Горло запершило от хохота. Вот и наступил лучший праздник моей жизни! Буду плясать и веселиться, буду кушать торт, предварительно задув свечи! Или нет, так прямо с горящими свечами буду засовывать в пасть – и жрать, жрать, жрать! Ха-ха, вместе со свечами, пылающими, как самолет на бетонке...

А в груди уже клокотало. Сегодня мой день рождения, а это значит, что Патрика и Милены нет уже целую неделю! Я упал на колени и завыл протяжно и отчаянно. В тот миг мой разум балансировал на грани безумия. Еще чуть-чуть – и Макс Край исчезнет, растворится в ноосфере без остатка, вместо него останется пустая оболочка, живая, способная на многие подлости, умеющая убивать, но все-таки пустая!..

Убийцы задержаны, террористов взяли.

Эта мысль не дала мне сойти с ума.

Вернувшись на диван, с телефона я вошел в сеть, вбил запрос в поисковик. Новостной сайт, загруженный по первой ссылке, утверждал, что расследование продолжается, что у следствия есть версия, но пока что следствие не готово ее обнародовать, что подозреваемый в совершении чудовищного преступления в розыске. Следующая ссылка – результат аналогичный. И опять... За окном давно уже встало солнце, а я все искал в Иинтернете то, чего там не было.

Браузер на экране мобильного сменил фото сублильного метросексуала в розовом жилете и с обесцвеченной завитой челкой, закрывающей половину лица, затем раздался рингтон: «The show must go on!» – с надрывом выдали динамики голосом классика.

О! Вот и первый, кто меня поздравит и пожелает счастья и здоровья в личной жизни.

Я захихикал в предчувствии содержательной беседы и ответил на вызов.

– Слушаю! – радостно сообщил я абоненту.

И услышал голос Эрика, бывшего начальника Милены, который помогал мне с открытием клуба и который, кстати, отговаривал меня нанимать ту бригаду, которую я таки нанял:

– Привет, Макс. Ты как?

– Лучших всех, дружище!

– Сомневаюсь. Твои подрядчики не смогли с тобой связаться, поэтому со мной... Макс, все работы по клубу заморожены.

Я вскочил с дивана.

– Как – заморожены?!

Злодейка-судьба нанесла очередной удар, и мне крайне необходимо было устоять. Потому что у меня в жизни ничего больше не осталось, кроме клуба. Никто ведь не знает, насколько важен для меня этот клуб. Я, Максим Краевой, находясь в трезвом уме и твердой памяти, собирался передать «Янтарь» своему сыну, Патрику Максимовичу Краевому. Клуб должен был стать нашим общим делом. Когда сын немного подрастет, я мечтал вместе с ним руководить заведением.

– А так, Макс. У тебя больше нет денег, чтобы платить рабочим.

– Да откуда... Да как они?! Да что они себе!..

– Извини, Макс. – Эрик отключился.

Только не клуб, думал я, стоя под ледяными струями душа.

Только не клуб, едва не рычал я, счищая с лица щетину.

Я не позволю судьбе отобрать нашу с Патриком мечту!

Это последнее, что осталось у меня. Это единственное, что связывает меня с погибшим сыном! Не позволю!.. Ведь это очень важно: достроить клуб и запустить его, ничего важнее

в мире нет и быть не может. Даже месть убийцам и месть тем, кто подставил меня перед Миленой – ерунда в сравнении!

Чтобы клуб довести до ума, нужны деньги.

А значит, Макс Край достанет их, чего бы ему это ни стоило!..

Глава 2

Аванс за смерть

Без одной минуты полдень я застал Турка, Орфея и Панка на пороге номера 312 в гостинице «Харьков».

– Позвали, значит, в гости, а сами не дождались? – Я встал у них на пути.

В коридоре воняло хлоркой и раздавленными клопами. По потолку и стенам змеились трещины. Не гостиница, а ночлежка. Неужто не могли найти пристанище поприличнее?..

Орфей молча окинул меня взглядом, хотя смотреть особо не на что. Я такой же, как и был ночью, разве только на мне сейчас тельник с обрезанными рукавами, в кобуре под мышкой пистолет, на пятнистых штанах застегнут ремень. Ну и еще я надел армейскую куртку с множеством карманов и завязал шнурки на ботинках с высокими берцами.

– Що буде, то буде, а козак панщини робити не буде⁴. – Турок шагнул мне навстречу и протянул мне руку. – Ты ж сам сказал, что не с нами, бо деньги тебе без надобности и узнать, кто тебя подставил, не хочешь.

– Деньги нужны. И узнать хочу. Поэтому с вами. – Я ответил ему крепким мужским рукопожатием, отметив, что ни он, ни его напарник не позволили своим лицам хоть как-то выразить превосходство над сломленным Максом Краем.

Зато на роже Панка появилась самодовольная презрительная ухмылка – мол, ты, Край, всего лишь продажный бывший сталкер, только корчишь из себя гордеца.

Стереть бы ему эту ухмылку кулаком, да негоже начинать сотрудничество с драки. Тем более что выглядел Панк совсем иначе, чем накануне. Кольцо из носа он вытащил, а розовую пижаму сменил на полевые куртку и штаны из хлопка и полиэстера.

Беглого взгляда хватило, чтобы по достоинству оценить его новый прикид. Локтевые и коленные зоны с дополнительными накладками и полостями для демпферных вставок. В нагрудные и набедренные карманы можно засунуть пять магазинов. В наплечные карманы на рукавах тоже можно много чего определить. Клапаны-«липучки» для вентиляции. В воротнике спрятан капюшон. Для крепления знаков идентификации, на груди, на плечах и на рукавах были пришиты платформы «липучек», с которых знаки различия можно быстро снять, что очень и очень в тему бойцам спецподразделений, действующих на чужой территории. Но сейчас Панк, видимо, находился на своей территории, потому на правом рукаве у него обнаружилась нашивка 25-ой отдельной Днепропетровской воздушно-десантной бригады с девизом «Ніхто, крім нас!»: голубой щит, на фоне которого летит транспортный самолет, а позади самолета распустились три парашюта и приземлились на зеленый фон перед георгиевской лентой БМД. А на левом рукаве – нашивка аэромобильных войск Украины. На плечах у Панка с пятнистых погон светили зеленой вышивкой офицерские звезды. Надо же, он у нас, оказывается, в чине старлея. А свой малиновый «ирокез» он стыдливо спрятал под голубым беретом с трезубой кокардой и красной нашивкой-флажком, на которой желтели парашют с двумя самолетами по бокам.

У меня вновь возникло стойкое ощущение, что я где-то уже пересекался с Панком, где-то видел его рожу... И ощущение это было крепче, чем в прошлую нашу встречу. Ну да это, наверное, из-за военной формы. Все люди в форме похожи друг на дружку.

Впрочем, не только Панк сменил имидж. Чудо-следопыты Турок и Орфей тоже вырядились в униформу аэромобилей, которых вот-вот швырнут с вертолетов в гущу сражения.

⁴ Что будет, то будет, а казак на господина работать не будет (укр., казацкая пословица).

Разве что только снаряги и оружия им не доставало. Все трое были гладко выбриты и пахли одеколоном «Тройной» Николаевского парфюмерно-косметического комбината.

Чего это они? Сегодня в городе состоится маскарад? Впрочем, не мое это дело, кому и как одеваться.

– Мы рады, что ты с нами, – заявил Турок. Судя по его погонам, он у нас капитан.

– Спасибо, Макс, что принял наше предложение, – поддержал его «майор» Орфей.

На левое плечо себе он налепил особую нашивку: на фоне желто-голубого флага застыл в стойке бравый воин в камуфляже. Над ним – надпись «АЕРОМОБІЛЬНІ ВІЙСЬКА», под ним – «ІНСТРУКТОР РУКОПАШНОГО БОЮ».

– Спасибо в карман не положишь. Пан майор, нужен аванс. Серьезность ваших намерений надо бы подтвердить, – объявил я первое условие своего участия в деле, о котором ничего не знал, и заодно намекнул на дутое звание Орфея. Хотелось, чтоб он как-то прокомментировал маскарад.

– Ни в коем случае! Никаких авансов! – заявил Панк, нарушая субординацию, ведь он всего лишь жалкий лейтенантишка среди нас, офицерской элиты. В его-то возрасте – и всего три жалких звездочки...

– Конечно, Макс. Без проблем. – Мой намек Орфей бессовестно проигнорировал, зато вытащил из нагрудного кармана пачку купюр крупного номинала и протянул мне.

Он так легко и просто расстался с весьма солидной суммой, что я растерялся. Не пересчитывая, мне вручил. И на лице его при этом не дрогнула ни одна мимическая мышца.

И еще он сказал:

– Чего в коридоре топчемся? Давайте пока в номер. Нечего лишний раз светиться.

И мы проследовали в номер – такой же унылый и убогий, как и вся гостиница.

Небрежно швырнув пачку евро на постель, – мол, мы тоже над золотом не чахнем, умеем себя блюсти – я достал мобилу и набрал Эрика:

– Лапуля, как дела?

– Лучше, чем у тебя, – услышал я в ответ. – Чего тебе надо, Край?

– Надо мне вот что, лапуля. К тебе скоро заглянет мой человек. Он принесет деньги. Работы в клубе должны продолжаться.

– Макс, какие деньги?! – забеспокоился Эрик. – Откуда деньги?! Во что ты ввязался, Макс?!

– Все, лапуля, отбой. До скорых встреч.

– погоди, Макс, я должен тебе сказать...

Мой большой палец ткнулся в красную трубочку-пиктограмму на экране, отрубая разговор. Затем я поковырялся в настройках телефона и отрубил сигналы вызова. Не хочу ни с кем разговаривать.

– Все, я готов к труду и обороне, – заявил я троице, терпеливо ожидавшей, пока я вдоволь наговорюсь по телефону.

– Не совсем, – позволил себе со мной не согласиться бородач Орфей. – Тебе нужно переодеться.

После его слов поверх пачки денег Турок положил на кровать комплект униформы аэромобильных войск.

– Зачем это? – Я решил закосить под дурачка, мол, не осилил своим скудным умишком понять, что форма – часть тайного плана троицы. – В подштанниках, небось, «бэтэров» полно, да?

– Чего полно? – не понял Панк, чем сразу себя выдал.

Он не служил в армии, а если и служил, то где-нибудь при штабе, иначе знал бы, что «бэтэрами», когда дело касается униформы, солдаты называют бельевого вшей, обожающих прятаться в складках и швах одежды.

– Все чисто, Край. Переодевайся. Объяснения потом.

Я пожал плечами и примерил обновку, обратив внимание, что на форме были, как положено, нашивки с группой крови. Не знаю, как у остальных, а у меня все верно указано: А (II) Rh (+).

После того как я сменил весь прикид, включая исподнее, мы спустились в холл гостиницы. Там я остановил чернявого вихрастого парня из обслуги.

– Дружище, ты меня знаешь?

– А то! – сверкнул парнишка улыбкой. – Кто ж в Вавилоне не знает Края?

– Держи, – я протянул ему пачку денег, – отвезешь на улицу Второй Пятилетки, восемнадцать, там есть кабачок для... э-э... метросексуалов. Отдашь хозяину, он там и бабен, зовут Эрик. Только живо. Ну и пару бумажек оставь себе.

– Так точно, пан полковник! – Парня точно ветром сдуло. Ураганным.

Я покосился на погон. А ведь и правильно мальчишка сказал – товарищи сталкеры меня назначили полковником. Хорошо, не ефрейтором, уже спасибо.

– А не боишься, что он тебя кинет? – посмотрел вслед парню Панк.

Ответить ему я не удосужился. Кое-кому еще придется заслужить право общения с лучшим сталкером всех времен и народов.

* * *

Три стены, обшитые вагонкой, когда-то пахли кедровой смолой.

Теперь в зале смердит потом и страхом.

Смрад намертво въелся в желтый пол, мягко пружинящий под ногами. Поверхность татами противно, так что зубы сводит, повизгивает, когда нога проскальзывает по синтетике, цепляется натуральной стопой за искусственное покрытие. И ладно, и ничего. Главное – кровь легко смывается, и потому проливать ее приятно и даже радостно!

Четвертая стена – одно большое зеркало – отражает обнаженное по пояс мускулистое тело. Оно лоснится так, будто его тщательно смазали маслом, не оставив чистыми ни квадратного сантиметра кожи, покрытой извилистой вязью татуировок и шрамов.

Отражения в зеркале сжимает в руке любимый нож, с которым тот, кто отражается, не расстается с того самого дня, как отец впервые заплел ему в косу три скальповые пряди и выщипал волосы вокруг косы, а кожу там пометил красной краской – первой татуировкой мальчика, которому исполнилось пять лет. С тех пор вороная коса бросает вызов всем и каждому, предлагая еще смелым и пока живым покуситься на нее.

В дальнем от входа углу зала одиноко висит боксерский мешок «ВАХХХ» из красного кожзама. Мешок плотно набит резиновой крошкой. Новенькие перчатки – вчера куплены, предыдущие порваны в клочья – валяются на татами под мешком. Обычно Вождь – а это он отражается в зеркале – тренируется, избивая мешок, но не сегодня.

Сегодня напротив Вождя стоит, чуть покачиваясь вперед-назад, высокий лысый мужчина. Мужчина широкоплеч, усики его аккуратны, на груди среди кудрявых волос скромно прячется татуировка – звезда Давида. Из-за потери крови, текущей из многочисленных порезов по всему телу, мужчина едва стоит на ногах, глаза то и дело закрываются, однако он все еще отказывается расстаться со своим «SOG Pentagon».

Как же, ведь он – лучший инструктор Украины по ножевому бою, приглашенный из Киева в Вавилон, чтобы дать несколько уроков! И уже тут, на татами, для лучшего из лучших стало полной неожиданностью, что единственный ученик, ради которого он пролетел через полстраны, оказался куда опытнее...

Цирк да и только. Клоун устал, ему пора на покой. Вождь делает выпад, рука с ножом устремляется вперед. Весь клинок, все его лезвие с гладкой, серрейторной и обратной заточ-

кой по самую гарду входит в живот лысого чуть выше паха. Рывок кистью вверх – и заточенная сталь рассекает брюшину. Тотчас Вождь отскакивает в сторону. Это очень важно – отскочить в сторону, иначе можешь изгваздаться всяким непотребным, потому что из брюшной полости после подобных выкрутасов с холодным оружием обычно, хлюпая, вываливаются сальник и кишечные петли. И это вскрытие не становится исключением. Из пропоротых лезвием кишок плещет и пахнет отнюдь не розами.

Слишком много возомнивший о себе инструктор целую вечность – целую секунду! – смотрит себе под ноги, на ту мерзкую массу, что покинула его тело, все еще являясь частью организма. «SOG Pentagon» вываливается из ослабевшей руки, ноги больше не держат – мужчина опускается коленями прямо на свои внутренности. Но он еще жив, не падает, упорно сопротивляется.

Вождь с сожалением разглядывает его лысину, кое-где отмеченную родимыми пятнами. Все-таки инструктор был достаточно хорош, чтобы прожить так долго на одном татами с сильнейшим воином Вавилона. Перевернуть бы противника на живот, – точнее на то, что от него осталось, – схватить за волосы и кончиком лезвия надрезать кожу головы по кругу, затем, наступив на шею, резко, в одно движение сорвать с черепа скальп. А потом этот кусок кожи с волосами натянуть бы на специальную раму, обезжирить и, быстро высушив над углями, украсить перьями и бижутерией. Получится ну просто замечательно! У Вождя целая коллекция таких произведений искусства, оригинальных аксессуаров, достойных самых требовательных модниц. Когда Вождь отойдет от дел, он представит бомонду свое тайное увлечение.

Увы, киевлянин не поможет Вождю прославиться, потому что череп его – что яйцо, ни единого волоска, еще и блестит!

Наклонившись, Вождь крикнул ему в ухо:

– Aggayo!⁵

Киевский ублюдок испортил кайф от заслуженной победы! И потому ему отказано в милости быстрой смерти!

Жестами показав слугам, которые ждали распоряжений у входа, чтоб избавились от трупа, после того, как, намучавшись вдоволь, инструктор сдохнет-таки, Вождь уверенной походкой покинул тренировочный зал. Повинуясь сахему, бойцы остались рядом с поверженным инструктором – дожидаться, пока тот испустит-таки дух.

В своих покоях, включая то кипяток, то ледяную воду, Вождь с удовольствием принял душ и переоделся. Теперь можно и перекусить, а потом – заняться делами. Опять поднять всех и вся. Устроить облавы. Прочесать все значные места. Кинуть клич соседям, пусть усилят бдительность на блокпостах. Убийцу отца так и не удалось обнаружить, хотя Вождь объявил награду за информацию о местонахождении убийцы, вдвое больше за его голову и десятикратное, если убийцу доставят живым, чтобы Вождь сполна смог насладиться его мучениями.

В последний раз ублюдка видели входящим в подъезд своего дома, а потом он будто растворился в пустоте!

Вождь тяжело задышал, в глазах зарябили алые пятна. Аппетит пропал, как и не было. Разве может Вождь наслаждаться пищей, когда убийца отца жив и преспокойно себе разгуливает по Вавилону?!

Спрятав нож под просторной рубахой, Вождь выскочил в коридор и быстрым шагом направился в гараж. Нельзя терять ни минуты! Надо действовать! Чутье подсказывало Вождю, что сегодня состоится долгожданная встреча!

– Testan! – услышал он окрик.

И тотчас остановился, как того потребовали.

⁵ Aggayo! (лаврентийский язык) – Собака!

Только один человек в целом мире мог заставить его подчиняться. Только один человек мог отдавать ему приказы и быть уверенным, что Вождь исполнит их беспрекословно.

* * *

В летнем кафе, где мы уселись, чтобы обсудить дальнейшие действия, я попросил у очаровательной официантки три бутылки перцовки и одну воронку. Если она и удивилась, то виду не показала. Когда же бутылки и воронку принесли, оставалось только перелить содержимое стеклотары во фляги, захваченные из дому и извлеченные из сидора, в котором было еще кое-что, без чего мне никак дальше, без чего сам не свой становлюсь.

Булькая в воронку коричневатое пойло, я осмотрелся.

Стену слева – за ней располагались кухня и служебные помещения – сплошь оплел дикий виноград. От прочего мира кафе отделял декоративный деревянный заборчик. Метров на семь вверх устремлялись основательные деревянные столбы, на которых покоился навес из лакированной фанеры. Под навесом располагались ряды деревянных столов, окруженных тяжелыми деревянными стульями. Такой стул надо приподнимать, чтобы не поцарапать паркет, если хочешь переставить на другое место или подвинуть. Я не удивился бы, если бы столовые приборы нам подали тоже деревянные, но нет, вилки-тарелки девушка-официантка принесли самые обычные. Орфей заказал нам какую-то пищу, я не вникал, какую именно. Насчет жратвы Макс Край очень непривередлив. Доводилось на первое кушать гусениц, на второе – подавать себе живых улиток, а на третье пить прямо из грязной лужи. Так что я – гурман еще тот.

Все столики были заняты. Официантки то и дело сновали туда-сюда. Определенно кафе пользовалось популярностью.

– Дир хириял вацал! Гьудулзаби! Нужеда гьикъизе бегъилищ?⁶ – донеслось от столика в дальнем от нас углу кафе, где шумно отдыхала компания бородатых брюнетов в строгих деловых костюмах.

Брюнеты, поднявшие бокалы под очередной тост, были уже изрядно навеселе. Челюсть даю, эта гоп-компания недавно в Вавилоне. На денек-другой с Кавказских гор джигиты скатились на нашу Среднерусскую возвышенность. Почему недавно и скоро нас покинут? Потому что в нашем городе те, кто так шумят и ведут себя по-хамски, долго не задерживаются. Они или становятся скромнее, или чуточку мертвее.

– Цакъ вохарав вуго!⁷ – дурным голосом возопил вдруг кто-то из кавказцев, и я от неожиданности уронил на пол флягу.

– Пить меньше надо, – прокомментировал Панк мою неуклюжесть.

Наклоняясь за флягой, я представил себе наглеца в лапах мутантов Полигона. Пусть те же слонопотамы играют им, швыряя его тельце с бивня на бивень, точно мячик, а потом рвут на части и пожирают визжащее от страха и боли подобие человека. Честное слово, я получил эстетическое наслаждение от своей фантазии на заданную тему. С каким бы удовольствием я прочел Панку отходную молитву, кто бы знал...

Пальцы мои уже коснулись фляги, из которой изрядно вылилось на паркет, когда меня остановил вопль официантки: «Нет! Что вы?! Я сама подниму!»

Представьте себе девушку, рыжие выющиеся волосы которой заплетены в толстую косу. Добавьте значительную грудь, размера эдак пятого, точно не меньше. И это притом что талия у нее осиная, губки алые, а кожа молочная. Есть? А теперь представьте, что это чудо природы кидается через весь зал и, нырнув под стол, выхватывает у меня из-под руки флягу

⁶ Мои дорогие братья! Друзья! Можно вас спросить? (аварск.)

⁷ Очень рад! (аварск.)

с такой расторопностью, будто от этого зависела ее жизнь. От смущения покраснев, я тут же выпрямился на стуле и сделал вид, что не при чем.

Тщательно протерев флягу передником, рыжая официантка поставила ее на стол перед законным владельцем, после чего, нескромно виляя попкой, удалилась.

– Итак, в чем состоит наша задача? – ошарашенный настолько продвинутым сервисом, спросил я, ни к кому конкретно не обращаясь. Надо будет обязательно оставить девочке хорошие чаевые. Надо же, столько усердия. Все бы так работали в сфере обслуживания. – Ребятки, поясню: мне по фиг во что соваться. Мне просто нужны деньги. Но чтобы их зарабатывать, не мешало все-таки знать, на что я подписался. Это облегчит жизнь и вам и мне.

– Мы должны проникнуть на Полигон, – доверительно сообщил мне Орфей то, что я и так уже знал.

– И продержаться там какое-то время, – добавил Турок.

– И всё? – Я скрестил руки на груди, требуя продолжения.

Но мне в нем отказали.

– Всё, – отрезал Панк и мерзко захихикал.

Официантка принесла нам на подносе тарелки с жареными на гриле телячьими ребрами и, пожелав приятного аппетита, удалилась. Шумная компания в дальнем углу подняла бокалы в честь очередного тоста. И вот тогда, наклонившись поближе к столу, с видом заговорщика Орфей начал тихо и быстро говорить, глядя мне в глаза. Чтобы расслышать хоть что-нибудь, мне пришлось приблизиться к нему. Теперь заговорщиков за столом было двое. Турок и Панк же поглядывали по сторонам, будто наши телохранители.

Нервно трогая нашивку инструктора рукопашного боя, Орфей поведал, что они, то есть мы, планируют под видом военных проникнуть на Полигон со стороны Мохнача, там есть КПП. Почему именно там? Да потому что у главного КПП кое-кто недавно слишком уж шумно себя повел, после чего вояки там просто помешались на безопасности: через каждые десять метров пулеметы, плюс минные поля и проверка документов под микроскопом. Причем насчет микроскопа – это вовсе не шутка.

– Кстати, насчет документов... – намекнул я.

– Есть такие. – Положив истекающее соком мясо обратно на тарелку и обстоятельно вытерев жирные пальцы о салфетку, Турок протянул мне паспорт и военный билет.

Согласно паспорту меня звали Марк Васильевич Кровин. Имелся и штампик о браке. Так-с, а супругу мою почему-то зовут Баранова Екатерина Сергеевна. Это надо запомнить и ни в коем случае, если поинтересуются, не назвать ее Овцовой Елизаветой Семеновной... В военнике значилось, что я – полковник сухопутных войск, 25-ая отдельная Днепропетровская воздушно-десантная бригада... Список зарубежных командировок впечатлял: полгода в Бразилии, год в Афганистане, потом аж три месяца пан Кровин подавлял Владивостокский бунт, где бы ранен в ногу (угу, это надо запомнить, придется чуток похромать). Еще я обнаружил в военнике аж семь шифрованных отметок об особых операциях, увидев которые любой сведущий сообразил бы, что полковник Кровин – не хрен с бугра, но птица хоть не особо важная, зато дюже хищная.

– Отличная работа, – похвалил я ксивы. – Прямо как настоящие.

– Спасибо, – на лице Турка дрогнула та самая мышца, которая выдает радостное смущение человека.

Ого, оказывается щекастому пошло на пользу выдворение из Чернобыля! Он на гражданке освоил серьезную, уважаемую в определенных кругах профессию. Если понадобятся качественно сделанные официальные бумажки, теперь я знаю, к кому обратиться.

Я поманил Турка пальцем, и он ко мне наклонился.

Тогда я прошептал ему на ухо так, чтобы услышали и Орфей с Панком:

– Работа отличная, дружище. Но даже самая крутая подделка не проведет нас на Полигон. Мало ли что мы вояки теперь. Вы думаете, если форму надели, так нас сразу пропустят через КПП?

– Мы так не думаем. Бо цель посещения Полигона указана в путевке. – Турок похлопал себя по нагрудному карману, намекая, что именно там у него много всего интересного хранится. – В электронной базе Минобороны наша миссия прописана, нужные люди на КПП проинформированы, ждут нас и готовы оказать содействие. Руководит операцией полковник Кровин.

Я еще больше зауважал Турка. Стрелять и руками махать может каждый умственно отсталый, а вот то, что он провернул... Для этого нужно иметь башку размером как у слона. Кстати, насчет слонов.

– Как с техническим обеспечением вообще и с оружием в частности? Я вам, друзья мои, скажу так: на Полигоне водятся ни хрена не маленькие мутанты с бивнями и рогами. И «калашом» тех зверьков не завалить.

– Обижаешь, Край. – Отложив обглоданное ребрышко, Орфей проводил взглядом рыжую официантку, принесшую ему чашечку американо и теперь завивавшую бедрами в направлении кухни. – За стволы и прочее можешь не беспокоиться.

– Не беспокоиться, дружище, я в гробу буду. А по-ка – извини.

Я тоже оценил привлекательность девушки, ее заметные формы, молодость, бурление гормонов... И ничего не почувствовал. Не захотел ее, то есть вообще во мне не было полового влечения. Что на нее смотреть, что на чашку с кофе. Полное равнодушие. Вместе с Миленой умерла та часть моей души, которая отвечала за любовь.

Милена... Сердце в груди сжалось, в него будто одновременно воткнули сотню игл. Я заставил себя не думать о погибших жене и сыне. Иначе прямо здесь и сейчас умру. А я не закончил еще свои дела. Клуб. Мысль о клубе не давала мне покоя, занозой засела в мозгу, хрен выковыряешь. Я должен открыть клуб. А для этого мне нужны деньги. Так что с трагической кончиной Макса Края придется погодить.

Сначала – клуб. Потом – месть. А уж потом только можно и...

Оказывается, Орфей не просто так паялся на девицу, но с намеком.

Он поднялся из-за стола и последовал за ней. И жестом велел нам присоединиться.

Откровенно говоря, меня это удивило. Бородатый следопыт что, задумал развлечься с красоткой в нашем присутствии? И мало того – нуждается в помощи троих мужчин? Нет уж, Макс Край в грязных игрищах не участвует! Хотя любопытно, конечно...

Только мы прошли в кухню следом за рыжей девицей, повара, колдовавшие над кастрюльками и сковородками, тут же сняли их с огня и поспешили покинуть нас через черный выход. В дымном парком аду остались лишь двое парней в белых халатах и колпаках. Не смея поднять на посторонних глаза, они оттащили в сторону синтетическую циновку, до сего момента лежавшую в проходе между жарочными шкафами и рядом газовых печей. Девица наблюдала за действиями подручных, скрестив руки на обильной груди.

На полу под циновкой обнаружилась крышка люка полтора на два метра размером и с массивным чугунным кольцом, за которое парни в белом вцепились. Кряхтя и краснея, с трудом они подняли люк, отворив вход в подземелье.

Я заглянул вниз из-за спины Орфея – бетонные стены и ступеньки скрывались во тьме.

– Прошу, – предложила девица, игриво поведя рукой и наклонив прекрасную головку.

– Марго, только после вас! – якобы проявил галантность бородач.

На самом же деле он поосторожничал. Это основа основ сталкерского искусства выживания: не соваться незнамо куда.

Рыжая искусительница – зовут ее как французскую королеву – иного, похоже, от Орфея и не ожидала. Снисходительно кивнув, она без пререканий первой шагнула на лестницу.

Марго опустилась ниже, и на десятой ступеньке подземелье осветилось лампами, подвешенными на потолке – видать, сработал датчик движения. Иллюминация была такой, что только слепой не заметил бы, что лестница винтом под довольно крутым углом вгрызается в твердь Вавилона.

Орфей первым последовал за девушкой.

Опередив Турка, следующим юркнул в лаз Панк. А замыкал нашу колонну я. И то, что за моей спиной с грохотом захлопнулся люк, мужества мне не добавило. Я дернулся было назад, уперся плечом в стальную плиту, отсекающую нас от поверхности, но куда там, даже не пошевелилась!..

Не то чтобы я занервничал, но перспектива быть замурованным в подземелье меня уж точно не обрадовала. Надеюсь, подельники Марго ценят свою подругу и отворят-таки нам люк. Пока же ничего не оставалось, как спускаться вместе с остальными.

С удивлением я отметил, что на лестнице было сухо и совсем не пыльно, никакой тебе паутины или же капель конденсата на стенах. Потолок был хоть и низким, но черепом я в него не упирался, наклоняться без надобности.

По моим ощущениям мы спустились метров на пятнадцать, прежде чем достигли относительно небольшого помещения, обстановка которого меня сразу напрягла. Судите сами, не везде в обиходе используется такая специфическая мебель, как деревянное кресло, сидение, подлокотники и спинку которого отнюдь не украшали многочисленные острые шипы. Я представил, каково это – сидеть на таком кресле, и содрогнулся. Рядом с креслом к деревянному столбу было приделано что-то вроде деревянных тисков или зажима, состоящего из двух половинок, в каждой из которых были полукруглые вырезы для головы и рук. То есть можно с помощью этой штуковины обездвижить человека, заставив его стоять в позе буквы «Г». Воображение тут же нарисовало мне неприглядную картину использования этих «тисков».

Прямо на полу в комнате валялись стальные и кожаные ошейники, наручники и устройства посложнее, способные сковать руки, ноги и голову человека, причем в весьма неудобной для него позе. На жаровне размером с кровать лежали огромных размеров щипцы и ножницы, которыми разве что толстый силовой кабель перекусывать. Демонстративно торчал посреди комнаты заточенный деревянный кол.

Мне все меньше и меньше нравилось в этом подземелье.

Марго сняла с подставки на стене плетъ с девятью хвостами, оконцованными ржавыми крючьями, и щелкнула ею в воздухе, едва не зацепив Панка.

– Джентльмены, как вам моя коллекция? Правда, великолепно?

Все дружно – я тоже – закивали и заохали, мол, круто как, отлично, впечатляет, браво. Глядя на Марго с плеткой в руках, нетрудно было мысленно представить ее с ловкостью орудующей у колеса или возле дыбы.

– Я знаю, джентльмены, что вы – люди занятые. Предлагаю моей коллекции уделить больше времени в следующий раз, а пока что прошу в зал для переговоров! – Виляя бедрами, она подошла к большой бронированной двери и легко, будто та была пушинкой, отворила ее. – Прощу за мной! – Памятуя о недоверии Орфея, Марго первой проследовала в помещение.

Я повидал множество армейских оружейных складов, официальных магазинов, торгующих лицензионным огнестрелом, и магазинов подпольных, где отоваривались только маргиналы, я покупал стволы у барыг в подворотнях, с грузовиков и просто на улице, но на такую точку я попал впервые. Никогда ничего подобного нигде не видел.

Стены здесь были шершаво-серые, будто бы сделанные из графита. И пол такой же. Потолок – сплошь белые панели, чередующиеся с такими же по размеру секторами освещения. В центре большой просторной комнаты стоял длинный дубовый стол, на котором ни

царапинки, ни пылинки. Посреди стола блестела гранями хрустальная пепельница в виде черепа после трепанации, рядом с ней лежали четыре планшетных компа со встроенными сканерами. Вдоль стола ждали посетителей роскошные офисные сиденья, обтянутые натуральной кожей. На такую сидушку не побрезговал бы опустить задницу даже глава транснациональной корпорации.

Но это так, фон.

Главное, что на стенах на специальных креплениях висели всякие разные стволы и снаряга. Чего тут только не было! Глаза разбегались! Автоматы, штурмовые и снайперские винтовки, ручные пулеметы, пистолеты-пулеметы и просто пистолеты, гранатометы и ПЗРК, карабины, дробовики, ножи, гранаты ручные... Разгрузки, бронежилеты, тактические рюкзаки, флаги, перчатки, очки, защитные комбинезоны, противогазы...

Не один я впал в ступор от всей этой красоты.

К реальности нас вернул голос Марго.

– Что вам угодно, джентльмены? Куропаток пострелять или устроить войну? – Девушка обвела нас взглядом и, безошибочно определив главного, шагнула ко мне. Орфей уже больше не котировался. – Красавчик, пусть они выбирают железки, а тебе я хочу предложить самое смертельное оружие, которое здесь есть, – свое тело.

Турок сдавленно хрюкнул. Орфей обиженно закашлялся – похоже, он имел виды на рыжую милашку. Панк же не услышал ни слова из сказанного Марго – так увлеченно он разглядывал оружие. А может, ему вообще по жизни нет дела до женских прелестей?..

Значит, двое нас таких.

– Марго, ты обворожительна. – Я уж собрался потрепать ее за плечо эдак по-дружески, но в последний момент передумал. – Твое оружие круче водородной бомбы. Но с недавних пор я пацифист.

Услышав отказ, девица скривилась, будто ее заставили разжевать целый лайм за раз.

Впрочем, она быстро с собой справилась и уже спустя секунду улыбалась, как ни в чем не бывало.

– Джентльмены, предстоящая процедура предельно проста. Вы можете брать, щупать, кусать и нюхать все, что хотите. Затем, выбрав понравившееся, поднесите к этой вещи планшет-сканер. На каждой вещи наклеен штрих-код. Информация о вещи высветится на экране. Вы можете редактировать необходимое количество единиц, а то и вовсе удалить вещь из списка, если, к примеру, найдете что-нибудь более интересное. Я подожду вас в соседней комнате. Надеюсь, джентльмены, вам понравится иметь дело с кланом «Америка». In god we trust!

Так этот подземный бункер-склад принадлежит клану «Америка»?!

Достигнув призывного возраста, каждый гражданин Украины обязан явиться в военкомат, чтобы отправиться воевать бог знает куда: в Сомали или в Дакоту, на Байкал или в Австралию. Своей кровью он заплатит часть долга страны, хотя ни он, ни его отец, ни деды ни у кого и ничего не одалживали. Быть может, призывник с детства мечтал стать врачом и спасать людей, но его обрекли на роль мирового полицейского и уже завтра он окажется в любой точке земного шара, а послезавтра – вернется домой в цинковом гробу. Или получит в подарок от благодарного отечества инвалидную коляску.

А если ему совсем повезет и заграничная командировка пройдет без последствий для физического здоровья, мозги у него будут набекрень, это уж точно. Вон как у парочки двадцатилетних дембелей, которые обнялись, чтобы не поддаться земному притяжению. Оба пьяны до потери человеческого облика. У одного выбрит череп, зато на лице борода, он носит песчаный камуфляж, из кармана которого торчит сложенный трубочкой порножурнал. А у второго в длинные черные волосы вплетены орлиные перья – значит, он «американец».

Вернувшись на Родину, сотни тысяч таких же, как они, парней, сбились в преступные группировки. Те, кто прошел огонь и воду самых горячих точек планеты, поделили страну на секторы, над которыми взяли контроль. Так появились кланы – «Азия», «Африка», «Россия» и тому подобные. С тех пор служба в экспедиционных войсках перестала быть позорным ярмом, возложенным МВФ и Всемирным Банком. Война стала обязательной частью ритуала, без которой юноша – мужчина! – не имел права стать членом ОПГ.

Так вот, конкретно с кланом «Америка» отношения у меня не сложились. Более того, при моем непосредственном участии отправился на тот свет предыдущий главарь этой преступной группировки, одной из самых влиятельных в Вавилоне. И если верить слухам, у «американцев» нынче разброд и шатание...

Рыжая эффектно развернулась на месте и двинула к выходу.

– Марго, не покидайте нас, – Орфей преградил ей путь. – Это тусклое подземелье освещает лишь ваша красота!

– Вы мне льстите! – она не приняла его слова всерьез.

Однако старый развратник не желал так просто выкинуть белый флаг:

– Марго, не хочу настаивать, но... Нам может понадобится ваша квалифицированная помощь.

Как по мне, шансов у него ноль без палочки, но своего он все-таки добился: рыжая красотка согласилась остаться с нами и помочь определиться с товаром, если возникнет такая необходимость.

Орфей сдержанно поблагодарил ее, и мы тут же деловито, без лишних слов принялись выбирать стволы и снарягу, поднося к образцам свои сканеры, попискивающие при определении кода. Вежливо, не принимая возражений, выбрать Панку аксессуары и огнестрел вызвался Турок, чем вновь подтвердил мою догадку насчет того, что спутник чудо-следопытов вовсе не нашего профиля спец. Отлученный от шопинга Панк заскучал рядом с Марго.

Быстро определившись со снарягой и 5,45-мм ручным пулеметом РПКС-74, я порекомендовал Орфею и Турку обратить особое внимание на противогазы и респираторы:

– И того и другого лучше взять с запасом. Там, куда мы собрались, полно растений, выбрасывающих в воздух тучи ядовитых спор, стоит только оказаться поблизости.

Говоря это, я чувствовал на себе заинтересованный взгляд Марго – запала на меня девка, факт. Макс Край еще способен кружить голову прекрасным дамам. Орфею пришлось кашлем обратить мое внимание, после чего он приставил к губам палец, намекая, что кое-кому следует заткнуться, и вообще болтун – находка для шпиона.

Кого он тут, в замкнутом пространстве подземелья, считает шпионом? Панка, что ли? Легким кивком я пообещал бородатому воздержаться от дальнейших проповедей. Клиент всегда прав. А если клиент заплатил более чем щедрый аванс, его просьба автоматически становится приказом...

Мое внимание привлек набор-минимум для выживания. Гражданских не впечатлит зеленый ребристый цилиндр с крышкой. Он всего-то сантиметров восемь длиной и диаметром сантиметра два с половиной. Я открыл крышку и осмотрел содержимое.

Первым номером у нас запаянные в полиэтилен пяток «охотничьих» спичек и терка. Надеюсь, понятно, зачем все это нужно?

Номер два: пластмассовая трубка с перманганатом калия, то есть кристаллами марганцовки. На кой? Ну, во-первых, если смешать перманганат калия и обычный сахар, а потом хорошенько растереть эту смесь, скажем, между двумя камнями, она воспламенится. А во-вторых, марганцовка отлично обеззараживает воду, не говоря уже о том, что она является антисептиком и помогает при отравлениях – если надо быстро и полноценно выблевать невкусное, из-за которого стало нехорошо.

Номер три: два свинцовых грузила, столько же рыболовных крючков и немного лески. Грузила и крючки – тут без вариантов. А леской можно не только рыбку ловить, но и одежду ремонтировать, силок из нее сделать, да мало ли... Сомневаюсь, что на Полигоне будем рыбачить, а потом вкушать уху... Разве что Панку захочется погурманствовать, чтобы принять потом вовнутрь марганцовку...

И последний пункт нашей программы – та-дам! – презерватив обыкновенный. Догадываетесь, для чего нужен? Ах, не маленькие, в курсе? Увы, я сомневаюсь, что ваше предположение верно. Презерватив можно использовать как емкость для воды. Засунуть его в носок, чтобы хоть как-то защитить от повреждений, и залить внутрь от литра до двух. Или использовать его в качестве жгута...

Я вернул все обратно в цилиндр и просканировал штрих-код. Презерватив в хозяйстве пригодится, сами понимаете.

Когда мы определились-таки, Орфей обратился к Марго:

– Уважаемая, мы готовы расплатиться.

– Да, пожалуйста. – Она протянула ему миниатюрный кассовый аппарат. И откуда только извлекла? Где прятала? Ведь не было же...

К моему огромному удивлению – челюсть так и отвисла – за стволы, которые мы лишь подержали в руках, Орфей расплатился банковской картой и даже получил от Марго отпечатанный чек.

Все это напоминало нездоровый фарс.

– Джентльмены, приятно иметь с вами дело. Напоминаю, что согласно «Закону о защите прав потребителей» приобретенный у нас товар можно вернуть или обменять в течение четырнадцати дней.

Сказать, что я от всего этого официоза охренел – все равно что промолчать и даже не подумать. Да меня это просто шокировало! Честное слово, я ждал, что Орфей и Турок вместе с Марго и Панком рассмеются, а потом Орфей порвет и выбросит чек, достанет из кармана солидную пачку нала и засунет Марго в глубины декольте. И пояснит, что, мол, так и так, извини, Максимушка, но не только ты у нас шутник, нам тоже хотелось тебя разыграть, помнишь, как ты обвел нас вокруг пальца в Чернобыле? А я кивну: «Еще бы я не помнил». А он тогда скажет: «Считай, мы квиты. Видел бы ты свое лицо!»

Но беда в том, что ржать и тыкать пальцами в меня никто не спешил.

Орфей и Марго обменялись рукопожатиями, – из разряда тех, которыми скрепляют сделки – после чего бородач сунул чек в карман, будто всерьез верил в том, что можно вернуть якобы купленные стволы. Стволов, кстати, – кроме тех, что на стенах – я так и не увидел. Орфей что, заплатил за право их потрогать и отсканировать штрих-код?!

– Машина? – спросил Турок у рыжей.

– Возле кафе, – ответила та.

– Приятно иметь с вами дело! – Панк порывисто схватил кисть девушки и припал к ней губами.

Ему повезло, что он не видел лица Марго, иначе у него пожизненно пропало бы желание выказывать знаки внимания юным особам прекрасного пола. Рыжая таким презрением наградила его затылок, задрапированный голубым беретом, что идиот сообразил бы: будь Панк последним самцом на планете, обзавестись потомством ему не светило бы.

Мы двинули вверх по лестнице, и на этот раз Орфей, позабыв о манерах, вырвался вперед.

Люк уже был открыт, и только массивная плита опустилась за последним из нас, то есть за мной, а следом и циновка вернулась на исконное место, кухню заполонили повара. Тут вмиг стало суетливо, громко, остро запахло жареным луком и чесноком, зашкворчали ско-

вородки и забулькали кастрюльки на огне. Все будто кричало в радостной истерике: «Клиентов надо кормить, клиенты требуют пожрать и хотят заплатить нам много-много денег!»

Неожиданно для себя я хлопнул по заднице Марго, которая шла чуть впереди меня. Она хорошая девушка, а я ее обидел там, внизу, когда она в порыве искренности обозначила свою симпатию ко мне. Срочно надо было реабилитироваться. Так в тот момент я оправдал свой порыв.

Охнув, рыжая бестия резко обернулась ко мне.

И тут, сообразив, кто именно оказал ей знак внимания, она опустила сжатые кулаки и, прижавшись ко мне всем телом, впилась в мои губы так жарко и так страстно, что здоровый мужской организм на это просто не мог не отреагировать.

Но кто сказал, что я здоров?..

Спустя долгий миг она отлипла от меня и, призывно глядя в глаза, спросила:

– Полковник, как вам наше фирменное блюдо?

– Блюдо? Ну, оно наверняка так же прекрасно, как и ты. – Комплимент получился неуклюжим, но что вы хотели от сталкера, мозг которого выжгло чернобильской радиацией? Про мозг и радиацию – это у меня универсальная отмазка на все случаи жизни, когда эдакое отчебучу, а потом думаю-гадаю: «А на кой я это вообще сделал?!»

– Наверняка? – Лицо Марго сразу поблекло, что ли, и стало печальным-печальным.

Чувствуя себя последним ослом, я виновато пожал плечами.

Действительно не успел отведать местных яств. Сначала переливал перцовку во фляги, потом получал и изучал липовые документы, после чего в подземелье рассматривал пыточный инструмент и выставку достижений военно-промышленного хозяйства.

– Марго, деточка, на жареные телячьи ребрышки времени не хватило, увы.

– Тогда хоть выпейте за мое здоровье. – Она выразительно похлопала ладошкой по сидору у меня за спиной, в который я спрятал фляги с перцовкой, и, покачивая бедрами, поплыла к выходу с кухни. По пути ловко подхватила пустой поднос. Так вот глянешь – никакая она не таинственная хранительница арсенала, а всего-то простая девчонка-официантка, живущая на чаевые и млеющая от улыбок постоянных клиентов.

Я кинул взглядом по сторонам. За время нашего отсутствия народу в кафе поубавилось. И те немногие посетители, которые еще оставались, явно собирались как можно скорее покинуть заведение общепита. Наверное, это потому, что за столом кавказцев веселье приближалось к апогею. Чернобровый товарищ с внушительным животом под ритмичные аплодисменты товарищей в проходе между столами выплясывал лезгинку, изрядно пошатываясь и налетая на стулья.

– Помочь? – спросил я у Марго.

– Сами справимся. – Рыжая игриво подмигнула мне и двинула собирать со столов грязную посуду.

Что ж, мое дело – предложить, ваше – отказаться.

У выхода из кафе меня встретила дворняга, умаявшаяся дышать вкусными ароматами с кухни. Дворняге грозило несовместимое с жизнью обезвоживание – так обильно у нее выделялась слюна. Увы, мне нечем было угостить животину. Троица псевдовояк ждала у бордюра, возле которого был припаркован здоровенный армейский «Вепрь» – камуфлированный, со шноркелем, с трезубцами на передних дверях и жовто-блакытным флажком, на присоске прилепленным к торпеде. Истинное чудовище отечественного автопрома, помесь джипа и грузовика возвышалось над тротуаром метра на два с гаком. Да у него одни только колеса метрового диаметра!

– Ну что, экипаж машины боевой, принимайте транспорт! Оплачено, даже чек есть! – барской отмашкой Орфей указал на тачку хоть и тихоходную, – не более сто сорока кэмэ в

час – зато повышенной проходимости, что весьма актуально в условиях особой дорожной ситуации в Вавилоне и за его пределами.

Ключи торчали в замке зажигания, двери были призывно открыты. Я хотел было сесть за руль, наметил уже движение всем телом, но меня опередил Турок, поперед бабки вскочивший на подножку и проникший в салон первым.

Заметив, что я не обрадовался расторопности щекастого, Орфей попросил меня быть снисходительным к чужим слабостям:

– Край, пусть пацан порезвится.

Рядом с Турком сел Панк, а мы с бородачом пристроились сзади.

В отличие от гражданских моделей, салон и «фарш» армейского «Вепря» были выхоленно-аскетичными: ни тебе кожаных сидушек с подголовниками, ни пепельниц в спинках сидушек, ни электростеклоподъемников, ни кондишена с парктроником. Унылый минимализм. Я сразу заскучал по своему Танку и почувствовал отвращение к себе за то, что кокетничал с рыжей развратницей Марго. Ну вот зачем я ей глазки строил? И по попке хлопнул зачем? Как я мог позволить себя поцеловать? Это ведь предательство по отношению к Милене, к ее памяти! На меня будто что-то нашло, а теперь с глаз упала пелена, и жгучая волна стыда нахлынула, закружила, обещая утопить в своей пучине...

Багажное отделение, где запросто разместится пять-шесть бойцов в полной выкладке, было заполнено автоматами, разгрузками, запасными магазинами, респираторами и прочим разным – всем тем, что мы заказали в подземном магазинчике Марго. Вот это я понимаю новые технологии плюс сервис по высшему разряду!

– Слушай, дружище Орфей, а кто эта девчонка? Марго – она кто вообще?

– Говорят, «американцы» осиротели не без твоей помощи. – Орфей сделал паузу, надеясь на мой комментарий по поводу. Но я промолчал, и он продолжил: – Вот кое-кто из клана и решил под шумок – пока неразбериха и нет нового командира – слегка погреть красивые ручки. Для сведущих Марго – вроде кладовщицы, а для посторонних – официантка.

Я кивнул. Сказанное бородачом совпало с моими предположениями. В городе много подобных складов, замаскированных под пункты общественного питания и автомойки, салоны красоты и магазины игрушек. Они предназначены для того, чтобы бойцы кланов могли мгновенно пополнить боезапас, вооружиться и дать отпор врагу внутреннему и внешнему.

– Хорошая тачка, да, Край? – осклабился Турок и завел машину.

– Прямо «Формула-1», – в тон ему ответил я. – Прокатите с ветерком, а, парни?

– Легко! Бо какой же сталкер не любит быстрой езды?! Прокатим!

– И все-таки, братишки, что вам понадобилось на Полигоне? – Самое время, я считаю, прояснить эту тему.

Орфей и Турок переглянулись, как бы решая, стоит ли передо мной раскрывать карты или погодить с козырями в рукаве.

Взревев мощным мотором, «Вепрь» сорвался с места.

* * *

«Вепрь», проданный клиентам всего-то вдвое дороже обычной цены, отъехал от кафе.

Не моргая, Марго проводила тачку взглядом и подошла к столику, за который перед сделкой усадила мужчин в армейской униформе со знаками различия офицеров ВС Украины, но с повадками прожженных сталкеров. По крайней мере у троих такие повадки точно были – этих она точно видела впервые. А вот четвертый показался знакомым, где-то его уже...

Марго поставила поднос на столешницу и, для прикрытия играя роль ретивой официантки, принялась сгружать на него пустые тарелки и чашки. Только в особых случаях она

опускалась до столь грязной работы. Надо было аккуратно и незаметно отлепить «жучка», которого она заранее закрепила под столом. Девушка улыбнулась, вспомнив, как сталкер, которого его подельники называли Краем, наклонился за упавшей флягой. Замешкайся Марго хотя бы на миг, и он заметил бы подслушивающее устройство. В лучшем случае, это могло закончиться всего лишь сорванной сделкой, а в худшем... Марго прекрасно знает, что с некоторыми – Максим Краевой по прозвищу Край входит в их число – лучше не шутить.

«Жучок» незаметно для окружающих переключался в декольте Марго.

Собрав грязную посуду и пустые бутылки из-под перцовки, она двинула к кухне, по пути аккуратно взяв салфеткой не надкушенные ни разу ребра и швырнув собаке-попрошайке:

– Приятного аппетита!

Псина схватила мясо в воздухе и тут же принялась его грызть.

В кафе почти не осталось посетителей. Оно и к лучшему, потому что у Марго намечались дела посерьезней, чем разносить запеченные куриные крылышки в кисло-сладком соусе и тако с тушеной мякотью опунции.

– Эй ты, иди к нам! Будем вино пить! Будем веселиться! – перед Марго возник пузатый лысый бородач в дорогом костюме, заляпанном аджикой и бараньим жиром.

Гость Вавилона – родом явно с Кавказа – едва стоял на ногах, зато был полон решимости сопроводить Марго к столу своих друзей.

– Извините, но у нас непринято подсаживаться к клиентам. Начальство меня уволит, если я так сделаю. Поэтому еще раз извините, но... – Она улыбнулась толстяку-брюнету так, будто очень рада столь приятному и лестному для нее предложению и лишь суровые обстоятельства вынуждают ее отказаться.

– Эй, ну что ты такое говоришь, да? Ты кому такое говоришь? Васе? Я что – Вася тебе? Ты меня совсем не уважаешь, да? Ты друзей моих не уважаешь, да? Ты нам праздник хочешь испортить?! Я же вижу, что ты просто шлюха. Ты же всем тут даешь. Иди к нам, покушаешь, выпьешь по-человечески, а потом и нам всем... – Дальше кавказец с жутким акцентом наговорил Марго очень много русских слов, не употребляемых в приличном обществе, и пошел на нее, широко разведя руки.

Конечно же, Марго разрешила себя обнять.

Она ведь шлюха.

Она ведь всем позволяет себя лапать.

Правда, иногда она может и в пах ударить коленкой.

Иногда – это как сейчас, к примеру.

Смуглокожий гость Вавилона, сдавленно захрипев, осел на пол перед Марго. Его мгновенно побагровевшая рожа прямо-таки молила о хорошем пинке. Разве Марго могла отказать клиенту? Она ведь никому не отказывает, верно?

Острый мысок врезался прямо в горбатый от природы нос, сделав его искусственно кривым, то есть свернутым набок. К аджике и пятнам жира добавились эритроциты и лимфа.

Нетрезвые товарищи толстяка вскочили шумно, опрокинув тяжелые стулья. Все они дружно загалдели на языке, которого Марго не знала и знать не хотела. Она улыбнулась, глядя на взъерошенных мужчин, ошалевших от того, что они увидели. В их аулах женщины не бьют джигитов. И даже поверженный товарищ не заставил поостеречься рыжей девчонки, которая, как ни в чем не бывало, стояла в проходе между столами и не собиралась бежать и прятаться от разъяренных горцев. Никто из них даже не подумал схватиться за оружие, которое так и осталось лежать на столешнице: с десятков пистолетов и столько же кинжалов, которыми джигиты демонстративно резали мясо, отказавшись от предоставленных столовых приборов.

И правильно, разве можно на беззащитную девушку-красавицу наводить оружие? Марго стало весело. Нет, нельзя. Ни в коем случае!

А вот на гостей заведения, которые ведут себя точно хозяева, – можно и даже нужно.

И потому все работники кафе – повара и официантки – собрались в зале под навесом, прихватив с собой обожаемые дробовики, пистолеты, подаренные любимыми на день рождения, и автоматы, дорогие, как память. А шеф-повар, так вообще по случаю выскочил с семейной шашкой, приехавшей с ним в Вавилон с Кубани. В кафе враз стало тихо и безлюдно. Последних посетителей, и так уже собиравшихся к выходу, не пришлось уговаривать ускориться. Граждане Вавилона хоть и все вооружены и умеют за себя постоять, а предпочитают-таки без надобности не ввязываться в чужие разборки. Тот, кто хотя бы раз получал пулю в плоть, знает, что это крайне неприятно, и не спешит подставляться еще раз.

Синхронно щелкнули предохранители, каждый ствол нашел себе цель, пальцы легли на спусковые крючки.

– Мы уходим, – на чистом русском языке заявил герой-любовник, уже пришедший в себя и вставший на ноги. – Никто не хочет крови.

– Как это – никто?! – Шеф-повар обнажил заточенное до бритвенной остроты лезвие и с наслаждением рубанул им воздух. Глядя на его возбужденно блестящие глаза, только слепой не увидел бы, что он просто-таки мечтает смазать сталь чужой кровью.

Проявив завидную шустрость, гости Вавилона тотчас кто щучкой, кто ласточкой, а кто и резвым козликом перемахнули через декоративный забор кафе и помчались прочь.

Марго распорядилась, чтобы собрали их оружие, – потом отнесет трофеи на склад – и достала маленький мобильник розового цвета. Она вошла в сеть и, задав поиск, убедилась в том, что не ошиблась. После чего ткнула пальцем в иконку быстрого вызова на экране.

– Говори быстро, я занят, – услышала она секунд пять спустя.

– Как же, занят ты. Небось, опять в притоне со шлюхами... – Криво улыбаясь, Марго куснула ноготь большого пальца.

– Как же мне надоела твоя ревность! – раздраженно выдал динамик. – Все, потом поговорим.

– Не так быстро, радость моя. – Марго наслаждалась беседой. Она уже поняла, что он, как опытная ищейка, почувствовал уже: ее звонок неспроста. – Ты, радость моя, не в постели все-таки. Так что сбавь слегка, не спеши...

– Марго, ты испытываешь мое терпение!

Она улыбнулась и быстро облизнула губы. Обычно холодный, как лед, собеседник вышел-таки из себя и вот-вот сорвется в крик.

– Я только что общалась с человеком, о встрече с которым ты мечтаешь.

Напряженная тишина в ответ. Потом вопрос – уже хриплым от волнения голосом:

– Ты уверена?

Марго отчетливо представила, как он, ее радость, схватил лист бумаги – у него всегда под рукой есть бумага – и начал сгибать и всячески вертеть.

– Абсолютно, – она кивнула невидимому собеседнику. – Этот человек переоделся в офицерскую форму, но у меня ж на сталкеров нюх. Его товарищи называли его кличку – Край. Уверена, на сайте Интерпола именно его фото.

– Взяла его? – с плохо скрытой надеждой. – В подвале у тебя, на дыбе?

– Я не самоубийца, – отрезала она. – К тому же он *не поддался*.

– Ах ты!.. – вмиг рассвирепел ее собеседник.

Марго знала: в этот миг изломанная и много раз перекрученная бумага замерла в его побелевших пальцах.

– Я записала его беседу с друзьями. И поставила маячок на тачку, которую продала им. Голос тут же потеплел, превратился в довольное мурлыканье:

– Скоро буду, Марго. – Он наверняка поставил на полку бумажную фигурку-оригами «кошка». – Ты просто прелесть. Я говорил, что обожаю тебя?

– Тысячу раз, – ответила она тому, кто уж точно не был котенком. Скорее уж – тигром-людоедом, находиться поблизости от которого опасно для здоровья.

И эта опасность неимоверно возбуждала Марго.

Порывисто дыша, она остановила пробегающую мимо официантку и велела убрать труп дворняги, что лежал у входа в кафе.

* * *

«Вепрь» притормозил у блокпоста на границе двух кланов.

Со стороны водителя к джипу подбежала девочка в парандже. К груди она прижимала куклу-блондинку в отнюдь не шариатской мини-юбке. Турок то ли не заметил девчонку, то ли решил поиграть в храбреца, поэтому стекло не опустил.

Надо отдать девчужке должное: она не растерялась, нервничать не стала, в ее работе проявлять эмоции смертельно опасно. Она просто с намеком похлопала себя по поясу шахида и показала на парней в пуштунках, засевших за мешками с песком. Типа я – человек подневольный, а вот они там с безопасного для них расстояния могут дистанционно подорвать мой заряд вместе с вами, господа хорошие, и вместе с вашей машиной, хотя видит Аллах, она этого не хочет.

– Турок, не тормози! – не выдержал я. – Оплати проезд по территории афганского земледелия!

Щекастый никак на это не отреагировал. По его лбу стекали струйки отнюдь не жаркого, как мне показалось, пота.

– Завис он там, что ли?! Уснул?! – заволновался Орфей. – Очнись, Турок! Хрена ты воткнул?!

Да уж, волноваться у бородача были все основания. За мешками с песком началось шевеление. Парни в пуштунках навели на джип все свои РПГ и РПК. То, что не сожгут из гранатометов, расстреляют из пулеметов. Зашибись перспективка!

– Мы все умрем, – шевельнул побелевшими губами Турок. – Я это видел. У меня после Чернобыля бывает...

От его бормотания у меня морозом продрало по коже. У Максимки Краевого ведь у самого после Чернобыля бывают видения. Иногда *накрывает*.

– Я умру. Я... мне было холодно, очень холодно. Орфея на части... Ты... Ты... – Турок пальцем указал на Панка, да так и замер с выпученными глазами, будто был он здесь, не с нами, но совсем в другом месте.

– А со мной-то что будет? – я тронул щекастого за плечо.

– А ты, Край... Тебя ножом. Когда ты расслабишься, когда тебе хорошо будет, лучше, чем когда-либо в жизни...

– Ну, это ты загнул, дружище, – не поверил я ему и расслабленно откинулся на спинку сиденья. – Мне уже никогда хорошо не будет. Так что не принимай близко к сердцу, заплати девчонке и поехали.

После этого Турок будто бы враз очнулся.

– Чего сидим?! – Он завел машину, опустил стекло и кинул девчонке пару мелких купюр, которые она ловко подхватила. – Салям алейкум! И поехали, парни, бо время не ждет!

«Вепрь» сорвался с места.

– И все-таки, парни, что вам понадобилось на Полигоне? – спросил я.

Турок тут же ударил по тормозам. Джип встал, как вкопанный, метрах в двадцати от блокпоста афганцев. Думаю, им уже стали надоедать наши художества и они вот-вот осерчают.

– Тебе лучше не знать, поверь. – Орфей огладил и так аккуратную бороду. – Пока что не знать. Чтобы лучше спать.

– С каких это пор ты в курсе, что такое «хорошо», а что такое «плохо» для Максимки Краевого?! – вмиг окрысился я.

– С того момента, Макс, как ты взял аванс.

– А если я прострелю тебе башку и заберу всю твою наличность?! – Я выхватил из кобуры «Форт».

И тотчас сильные руки Орфея отобрали у меня оружие – ну точно у сопливого пацана-гопника в переулке! – и приставили ствол мне к виску. Не растерял Орфей на гражданке навыков. Ну да это как на велосипеде научиться – один раз и на всю жизнь.

Турок взглядом спросил, ехать ли ему дальше, но Орфей лишь чуть заметно покачал головой. Чудо-следопыты до сих пор очень даже слетанная команда: понимают друг друга без слов, вмиг. А все потому, что обучены математике войны – науке интересной, со своей собственной логикой. Нужен пример? Да пожалуйста! Боевая двойка эффективнее одиночки не в два, а примерно в десять раз. Потому что дело вовсе не в таблице умножения, а в психологической стойкости, умении правильно оценить обстановку и действовать в типичных ситуациях автоматически, не теряя драгоценные секунды на раздумья.

Парни в пуштунках явно не знали, что с нами делать, как реагировать на демарш. Гудели клаксонами тачки, недовольно объезжающие «Вепрь», вставший посреди дороги. Кое-кто из водителей и пассажиров грозил оружием, но открыть огонь по нам не спешили. Наверное, всех смущало то, что мы были в форме с погонами. Ветераны – а таких в Вавилоне большая часть мужского населения – вообще с трепетом, по-отечески и по-братски относятся к тем, кто на службе.

– Макс, нам не нравится твое отношение к работе. – Орфей чуть сильнее вдавил мне ствол в висок. – Ты ведь на работе, Макс. Мы наняли тебя. И хотим, чтобы ты...

– Можешь не продолжать. Я все понял! – Я примирительно поднял руки, намекая, что пистолет можно убрать от моего черепа, а то еще пальчик дрогнет на спуске, и аванс будут потрачен зря.

Орфей деловито, как будто ничего не произошло, вернул мне «Форт».

– Так что вам понадобилось на Полигоне? – тотчас спросил я, приставив пистолет в затылку Турка. И на этот раз Орфей не успел меня остановить. Все-таки Макс Край тоже не пальцем делан!

К моему удивлению, почувствовав холод оружия кожей головы, Турок заржал. Ему будто рассказали безумно смешной анекдот. Орфей его поддержал хохотом. И только Панк недовольно зашипел и вытащил из кармана армейской куртки дорогой крокодиловой кожи бумажник, из которого извлек две купюры по сто евро. Одну он протянул толстощекому, вторую – бородачу.

Я с недоумением следил за происходящим, пока не озарило: да они на меня поспорили! Чудо-следопыты в точности предугадали мою реакцию и мои поступки на несколько шагов вперед!

– Я жду ответа! Быстро! – Я прямо-таки осатанел, осознав, что настолько предсказуем для старых знакомых.

– В нашей путевке значится задание: вывезти на Полигон для секретного захоронения... – Орфей сделал паузу, и Турок тут же за него закончил: – ОМП.

– Оружие массового поражения?... – В голове у меня тут же тренькнул звоночек. Я понял, что это очередной знак свыше. – А что именно мы должны захоронить?

– А вот с этим как раз проблемы. – Орфей дернул себя за бородку, будто хотел оторвать ее. – Никакого ОМП у нас нет. Пока что. Мы должны добыть его – БОВ «Гремлин» называется. Хранится в специальных баллонах. Концентрация этого вещества в воздухе свыше 0,01 мкг/л смертельна даже для человека, защищенного аэрозольным фильтром. Антидота не существует. Именно поэтому я считаю целесообразным для дальнейшей операции...

Но тут Турок кашлянул, привлекая внимание, и выразительно посмотрел на Орфея, после чего тот сразу же замолчал.

Звоночки в моей коротко остриженной башке слились в одну сплошную трель. Баллоны. И БОВ – то есть боевое отравляющее вещество – «Гремлин». Совсем недавно я пытался избавить город от этой дряни, содержимое одного баллона которой способно уничтожить население целой Европы⁸. У меня получилось, но лишь отчасти. А значит...

Это значит, что моя жизнь – ничемная и ненужная после смерти близких – все больше и больше наполнялась смыслом. У меня есть шанс завершить начатое – не только достроить клуб, но еще избавить сотни миллионов людей от нависшей над ними смертельной опасности. Я сделаю это в память о сыне и жене. Я знаю, им бы это понравилось. Уж Милена-то точно одобрила бы мой поступок и смотрела бы на меня как на героя. А я все готов отдать за такой ее взгляд, пусть даже смотреть друг на друга мы будет только в моем разыгравшемся воображении.

И тогда, раз все молчали, заговорил я:

– Нарушение проницаемости альвеол и быстро прогрессирующий отек легких за считанные секунды уничтожают врага. На кожные покровы «Гремлин» воздействует следующим образом: сначала возникает покраснение, потом – эритемы, опухоли и ожоговые пузыри. Так было сказано в том отчете, который вы сумели добыть, верно?

⁸ Подробнее об этих событиях в романе А. Шакилова «Герои Зоны. Полигон».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.